

LXIX
День поэзии ВГУ

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии ВГУ LXIX

Литературно-художественный альманах

25 марта 2025 г.

Воронеж
2025

Редактор-составитель: Дмитрий Чугунов

Художественный редактор: Анастасия Ланкина

Художники-иллюстраторы:

Арина Подосенова, Синицына Сестрица,
Софья Чуева, Анна Федяева, Альбина Каминская

Адрес для корреспонденции:
dr-chugunov@yandex.ru

Литературно-художественное издание

День поэзии ВГУ LXIX

Литературно-художественный альманах

25 марта 2025 г.

Редактор-составитель *Д. А. Чугунов*

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 17.03.2025.

Формат 60×84/8. Усл. п. л. 9,1.

Тираж 200. Заказ 97

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

О поэзии

О поэзии можно говорить и спорить бесконечно. Оглядываясь в прошлое, перелистывая прежние выпуски «Дней поэзии ВГУ», мы обнаруживаем близкие нам и, наоборот, противные точки зрения. Прослеживая год за годом движенье поэтической мысли, мы подмечаем определённые закономерности: в выборе тем, в появлении перед публикой узнаваемых имён. А затем меняются темы, уходят одни поэты и приходят другие. В этом и таится бесконечное волшебство жизни и творчества.

17 сентября 1823 года Иоганн Петер Эккерман, утром заглянув на часок к великому Гёте, имел с ним «разговор весьма многозначащий», для себя «положительно бесценный». Беседовали они – о Поэзии. Гёте, спросив вначале, писал ли Эккерман стихи прошедшим летом, поделился с товарищем своими размышлениями о поэтах, их стремлениях и убеждениях. Приведём же некоторые отрывки из его слов. Миновало более двухсот лет с той встречи, однако как же верны многие его наблюдения!

«Настоящее предъявляет свои права. Все мысли и чувства, что ежедневно теснятся в поэте, хотят и должны быть высказаны. Но, буде ты замыслил большое произведение, рядом с ним уже ничего не прорастёт, оно отгоняет все твои мысли, да и сам ты оказываешься на долгий отторгнут от всех приятностей жизни. Какое напряжение, какая затрата душевных сил потребны на то, чтобы упорядочить, закруглить большое Целое, какую надо иметь энергию, какую спокойную прочность житейского положения, чтобы наконец слитно и завершённо высказать то, что было тобою задумано. Если ты ошибся в главном – все твои усилия оказываются тщетны, если в твоём обширном и многообразном творении ты не везде сумел совладать с материалом, – значит, в Целом кое-где окажутся прорехи и критики станут бранить тебя, и тогда поэту вместо наград и радостей за весь его труд, за всё его самопожертвование достанутся только изнеможение и горечь. Но когда поэт всякий день вбирает в себя настоящее и насыщенно воссоздаёт то, что открывается ему, это бесспорное благо, и даже если что-то ему и не удастся, ничего ещё не потеряно...

...Работайте до поры до времени только над небольшими вещами, быстро воплощайте то, чем дарит вас настоящая минута, и, как правило, вам всегда удастся создать что-то хорошее, и каждый день будет приносить вам радость. Поначалу давайте ваши стихи в журналы и газеты, но никогда не приспособливайтесь к чужим требованиям и считайтесь лишь с собственным вкусом.

Мир так велик и так богат, так разнообразна жизнь, что поводов для стихотворства у вас всегда будет предостаточно. Но это непременно должны быть стихотворения «на случай», иными словами, повод и материал для них должна поставлять сама жизнь. Единичный случай приобретает всеобщий интерес и поэтичность именно потому, что о нём заговорил поэт. Все мои стихотворения – стихотворения «на случай», они навеяны жизнью и в ней же коренятся. Стихотворения, взятые, что называется, с потолка, я в грош не ставлю.

Смешно говорить, что действительная жизнь лишена поэтического интереса; в том и сказывается талант поэта, что позволяет ему и в обыденном подметить интересное. Побудительные причины, необходимые акценты, сюжетное ядро поэту даёт жизнь, но только он сам может из всего этого сотворить прекрасное, одухотворённое целое...»

Так будем же спорить о стихах и – творить!

Дмитрий Чугунов

25 марта 2025 г.

Толкование обложки. «Живая поэзия. Мир знаков»

Написание иллюстрации для обложки книги – настоящее испытание: твоя идея должна быть абсолютно гармонична с содержанием сборника, быть его отражением, выражать то, что уже выражено в другом медиуме – слове.

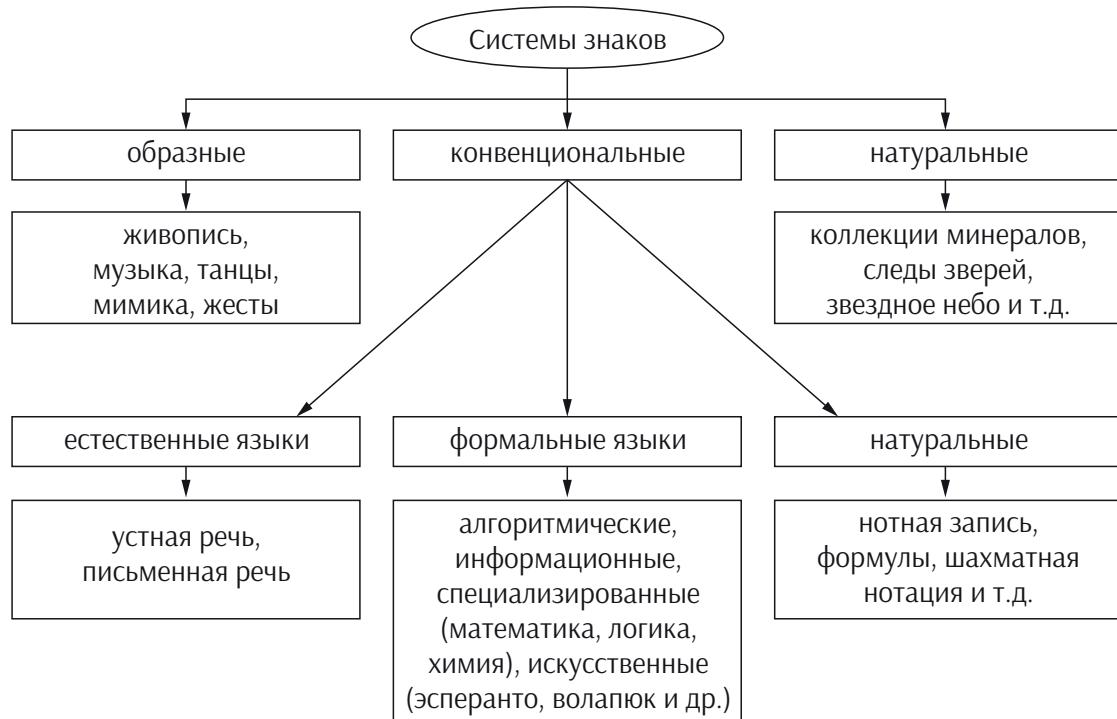
В этот раз мне захотелось написать максимально сложную с идейной и живописной точки зрения иллюстрацию; так что, будьте добры: посудите о книге по обложке!

Живая семиотика лирики. Картина на лицевой стороне обложки отражает взгляд поэта, литературоведа или философа на каждодневно окружающую нас действительность. Она делает видимым то, что обычно скрыто ненадёжной коммуникацией между субъектом и объектом в системе знаков. Иллюстрация вдохновлена спецкурсом «Поэтика и семиотика русской лирики» А. А. Фаустова и изображает взгляд от первого лица человека, который осознаёт то, что он находится в мире знаков и считывает их/достраивает смыслообразы.

Немного из введения в семиологию: между субъектом и окружающими его объектами не может быть прямой связи, прямого пути; движение от субъекта к объекту возникает при помощи знаков. Если говорить простыми словами, мы напрямую не взаимодействуем с тем, что видим вокруг себя; между нами (субъектами) и окружающими нас предметами (объектами) находятся знаки. Знак находится как бы посередине между смыслом и обозначаемым предметом.

На картине предельно оголены разные знаки, окружающие нас; они переплетаются в сложной композиции. Изображаемое можно читать как взгляд на обыденный мир вдохновлённого поэта (мир его индивидуального воображения) и/или философа/литературоведа, изучающего мир знаков с научной точки зрения. На иллюстрации зритель может увидеть мир глазами людей, которые умеют находить и считывать знаки, видеть в обыденном необычайное, фантастическое.

Картина основывается на классической типологии знаков Ч. А. Пирса и общей схеме деления знаков:

Всматрившись в обложку, вы можете найти и прочесть следующие знаки:

Образные: живопись (сам факт того, что картина нарисована!), музыка (проводы внизу становятся нотным станом, вороны на нём превращаются в ноты), танцы (облачные балерины), жесты (язык жестов);

Натуральные: следы птиц (их траектория полёта, разложенная как фотографическая модель), звёздное небо;

Конвенциональные: письменная речь (цитация П. А. Вяземского [стихотворение «Байрон», почерк восстановлен по различным рукописям поэта]), информационные знаки (двоичная система кодирования), системы знаков (нотная запись, шахматная нотация, кардиограмма).

И немного прочих.

Провода самого обыкновенного на свете фонаря на бетонном основании разделяют небо на секторы, внутри которых ожидают разные образы: девушка – персонифицированное Солнце, луна-глаз, облачные балерины и т.д.

Мы живём в мире знаков, за которыми скрываются неизведанные объекты. На этой картине объекты благодаря силе искусства обретают чёткую форму. Сама иллюстрация как знак проводит зрителя (субъекта) к объекту (поэтический мир).

Получается, Вы, дорогой читатель и зритель, смотрящий на Альманах сейчас – Вы уже поэт/литератор, так как видите тот самый волшебный знаковый мир!

От художественного редактора сборника, Анастасии Ланкиной

25 марта 2025 г.

Флейта водосточных труб

Художник Софья Чуева

Алексей Бондарев

Выпускник ВГТУ, кандидат физико-математических наук. Работает в сфере информационных технологий. Участник литературного объединения «РоемФМ». Публиковался в журналах «Подъём», «Северная окраина», «Луч», в альманахах «День поэзии ВГУ», «Царицын». Лауреат нескольких поэтических конкурсов

Постмодернистское

Поэт – чудак. Плюют в него за это.
Ты ж мимо бед чужих не проходи.
Взгляни на неустроенных поэтов,
И жалость закипит в твоей груди.

Вино на землю льётся из амфоры,
Старик идёт кругами. Он не пьян.
Слепой Гомер не видит светофора,
Переведи его через майдан.

Мудрец Вильям назадавал вопросов.
Замолкни, Эльсинор, и не труби.

Поэт бежит то в спальню, то в мансарду.
Болезнь любви снедает, словно яд.
Слегка наври бедняге Александре,
Ведь он и сам обманываться рад.

В расцвете лет кончают жизнь поэты.
Прострелен мозг, и вот вам хладный труп.
Подсунь Володе вместо пистолета
Хотя бы флейту водосточных труб.

В последний путь по скорбному этапу
Поэта гонит век наш волкодав.
Дай Осипу скорей на счастье лапу,
Как шапку, запихай его в рукав.

Поэт заходит в клетку вместо зверя.
Достать чернил, и снова вечный бой.
Его аршином общим не измерить.
Как здорово, что в бурях есть покой!

Моя печаль

Льёт за окном. Встаю из-за стола.
Печаль седая, возвратясь на круги,
В осенний день с дождём меня свела.
Мы с ним вдвоём. И никого в округе.

По обе стороны холодного стекла
Мы тускло отражаемся друг в друге.
Скупая влага по щеке моей стекла,
Струи дождя упрямы и упруги.

Печаль моя, зачем ты не светла?
Здесь мы с дождём – твои слепые слуги.
Ты распространяла тёмные крыла,
И в сердце вновь гуляет холод выюги.

Хатынь

Дождливым днём в молочной дымке
Разлита мертвенная стынь.
Кругом чащоба. На суглинке
Стоит сожжённая Хатынь.

Здесь наша память, боль и слёзы
О всех погибших деревнях.
Здесь никогда не вянут розы
И вечны всполохи огня.

От Сталинграда и до Бреста
Я видел множество святынь,
Но нет страшней и скорбней места,
Чем вёска* мёртвая – Хатынь.

Приди сюда. Склонись к могилам
И слушай колокольный гул.
Взвыает он к небесным силам,
Неся печальный караул.

* вёска (бел.) – деревня.

Дарья Князева

Окончила физический факультет. Актриса «Театра равных». Финалист и лауреат всероссийских фестивалей и конкурсов. Публиковалась в журналах «Подъём», «Юность», «Дружба народов» и др.

Многократно меняя источники, пью и пью
звукописные баррели – терпкий смолистый сок,
заедаю тоннами твёрдых ритмичных строк...
И в меня не вмещаются груды опавших букв,
распирают и копятся, зудят под шершавой кожей.
Пока не перегниют.

А потом, срываюсь с пальцев на светлый пол,
из-под ногтей, из глаз и раскрытых пор,
сыплется-сыплется свежих семян покой.
Лопаясь, они распаковывают голоса.
И каждый из них не мой.

И всякий из них вещает на личный лад.
Но в этой разноголосице мерный стук,
синестетически непрятательный тихий стук,
вмешивает какофонию в талую белизну,
толкает короткими судорогами вперёд
за дверь подъезда выйти на грязный лёд
смотреть весну.

Смотреть в пестропёрую ситцевую синеву,
смотреть, как горелками с крыш изгоняют снег,
а в неоновой куртке архетипичный узбек
долбит и долбит опесоченную броню,
являя миру покоцанный тротуар,
как высший дар,
незыблемый элемент.

Перезвонный постук капели по козырьку
зашивает по краю расслоёенный сноп текстур,
собирает на нитку и замыкает в круг
весь песнопенный чересполосный гул.
Чинит расстроенный внутренний метроном,
гул обновляя в хор.

Теперь по отдельности слышные голоса
текут и струятся, торопятся рассказать
о несхожем и о едином. Закрыв глаза,
я вдыхаю прозрачныхозвучий согласный рой,
выдыхаю и слышу наперебой:
«пой-пой-пой...»
И каждый напев мой.

Прости.
Я всё же знаю эту слабость...
Звериный ужас, липкое дрожание,
подвздошное биение безысходности.
Не усталость –
тотальное бессилие материала.

Я вижу так:
мучительно жёлтый пол спортзала
холодный пыльный мат
а с потолка ползёт самодовольно
канат

соскальзывают потные ладони
нет нужной мышцы
только воля
её предел полметра
подломились руки
ссыпаюсь в пыль
досадно и позорно

смотрю на чёрный тусклый блеск
неодолимого
и через боль провала принимаю
что не моё

а потому имею право
сдаться

немедленно становится легко

Прости.
Я знаю эту слабость.
Есть и во мне.
И ты. Имеешь. Право.
Невыносимо это признавать.
Невыносимо
быть
канатом.

Художник Софья Чуева

Нет, мне тебя не нужно –
раз и два –
опаздывают верные слова,
жужжат натужно

в надтреснутой коробке
черепной.
Лети-лети с горы, бескрылый мой,
легко и кротко.

Твой уроборос непреодолим:
расплавленное станет ледяным
и снова день – полным-
полынно-полон...

Не мнимым размыканием сквозным,
а данностью, распятой в треугольник.

25 марта 2025 г.

глубоководная тварь поднялась со дна.
тварь хочет жрать, и в том не её вина –
тихая песня в моей крови
ведёт, заклинает: «рви»

тварь подвывает: «конечно тебя даем –
это условие подлинных перемен.
ты уж прости, не со зла... но иначе как?
дело твоё – табак».

у твари сезон. помается, пожуёт,
выплонет, божьей волей, хвостом махнёт –
только пугает.
но с каждой такой весной,
следы от укусов срастаются чешуёй.

гляну на воду: талая тишина,
впадая грудь небес чернотой полна,
а позади раздаётся железный лязг.
шлюзы закрыты.
история началась.

Елизавета Колесникова

Студентка филологического факультета

Ода болгарскому перцу

Восторг! Катáрсис! Эйфория!
Подлинный экстаз!
Любой горит надеждой мнимой
Видеть Вас хоть раз!
Изящество упругих форм,
Манящие изгибы
Ведут на смертный приговор:
Людской рассудок гибнет!
Обильный красочный размах:
Зелёный, жгучий красный.
Течёт: пробоины во ртах
От глубины контрастов.
А вкус... Блаженство, рай, полёт!
Воздушность, сочность, свежесть!
И каждый ломтик отдаёт
Всю овощную нежность.
Устами шепчутся слова
В сентиментальном бреде:
«Ах, закружилась голова:
Утопия в обеде!»
Казнить, убить, четвертовать
Людей с холодным сердцем,
Кто не согласен принимать
Всё превосходство перца!
И внутренне, и внешне он
Чертовски безупречен.
Погибнет человечий сброд,
А перец будет вечен.
Во всеуслышанье глаголь
И старец, и младенец!
Виват! Да здравствует король –
Болгарский красный перец!

Наша Лиза громко плачет

Бесконечно романтики ушлые
Утверждают краснеющим дамам:
«Ваши образы в письмах у Пушкина
И в стихах у Омара Хайяма.
Ибсен, Бёрнс, Маяковский, Шекспир
Только Вами одной вдохновлялись...»
Лестью приторно-сладкой – зефир! –
Эти дамы всегда объедались.

Про меня мне давно всё известно,
Про меня по-другому писали.
Всё попроще и менее лестно,
Меньше пафоса, лишних деталей:
Я сижу под дождём на скамейке.
Я из плюша.
До нитки промокла.
Пуст желудок, и нет ни копейки.
Очень холодно и одиноко.
Меня бросила злая хозяйка.
Дождь по носику-бусинке бьёт
Опустела сырая лужайка,
И за мною никто не придёт.
Я отчаянно громко ревела,
Когда мячик в реке утонул,
Когда шла по доске до предела,
Понимая: в конце упаду.
Когда на пол меня уронили,
Оторвали мне лапу... За что?

Пушкин, Бёрнс и Шекспир не смогли бы,
Описать меня так, как Барто.

Это хорошо

Жареный воздух. Толпы людей. Базар.
Носятся мимо прилавков вперёд-назад
Пчёлы.
«Купите персик! Не сахар – мёд!» –
Каждый свой улей тщательно продаёт.

Я изучаю навыки торговцев:
Сколько лапши на среднюю пару ушей,
Сколько здесь «лучше нету!» на весь базар.
Я продаю иначе. Другой товар.

Скромно иду в пучину пчелиных сот:
Пусто в руках, мне нечем завлечь народ.
Нынче я вышла в свет торговать душой.
Хватит с меня ваших «плохо» и «хорошо».

«Не проходите мимо! Бесплатный мёд!
Даром отдам вам душу!
Ну?
Кто возьмёт?»

Люди идут покупать виноград, арбуз.
Некому пробовать душу мою на вкус:

Твёрдую, словно бетон, от жестоких слов,
С привкусом горьким от слёз из моих стихов,
Щедро приправлена грязью чужих сапог,
В разных местах то синяк, то ушиб, ожог.

Кто же её изувеченную возьмёт?
Кто заберёт мой тягучий, но с дёгтем мёд?
Не за чем больше мне душу свою хранить.
Что в ней такого? Зачем мне ей дорожить?

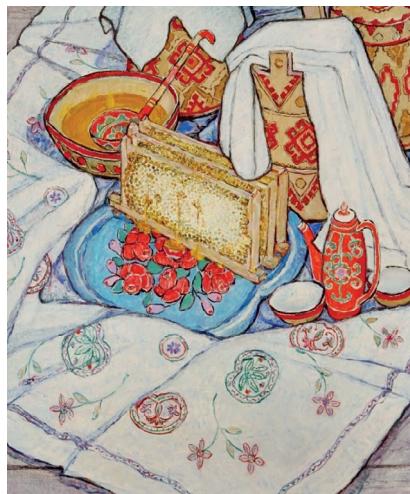
Бедная плачет, рыдает, кричит,
Ноет ночами, страдает, болит,
Любит кого-то, кому всё равно,
Рвётся к нему несмотря ни на что.

Переживает за души других,
Мучится страшно от горестей их,
Мается. Как на иголках сидит.
Очень болит. За кого-то болит.

Молча стою на базаре с моей душой.
Может быть, это не плохо, а хорошо?
Может быть, мне для другого душа дана?
Может, на самом деле она ценна?

Только с душой люди могут других прощать,
Только с душой могут искренне поздравлять.
Люди с душой избавляют от всех рубцов,
Люди с душой смотрят в душу, а не в лицо.

Тихо уйду я с базара с моей душой.
Всё-таки быть с душой – это хорошо.
Больно порой, но с душой я умею жить,
Плакать от счастья,
Смеяться,
Дышать,
Любить.

«Аромат мёда», Агия Ситникова, 1976

25 марта 2025 г.

Анастасия Ланкина

Студентка филологического факультета

Тридцать восемь

Я в этом мире занимаю
Всего 38 человеческих килограмм.
И если Архимед – не дурак,
Не придумка из школьных книжек,
Я вымешаю по его закону
Во вселенную
Лишь чуть-чуть:
Тридцать восемь – с лишним.
...
Стою в магазине.
Вижу картину:
Жуткая очередь, толкотня,
На чьи-то пальцы, – Боже-ж мой! –
Наступили,
И они остались лежать
На плитке посередине!..

Ой.
Показалось.
Это ломоть очищенной редьки.
Поднимаю глаза:
Очередь будто – Х2.
Будто стоит мигнуть –
И всё шире, всё громче
Человеческое столпотворенье.

Я скромно стою, а вокруг –
Люди рвут друг друга за ценник.
Акционные товары:
Майонез, малинка и мандарин,
Натуральная мармеладка –
МММ местного универмага.

Туда страшно идти.
Стою. Смотрю на зону при кассе.
Такое чувство, что магазин –
Как ковчег,
Но каждая тварь в нём
Ищет повод для драки.
Не знал, кажется, Ной

Сколько нытиков в этих парах:

- «Эти магнитные бури уже...»
- «Андрей по контракту ушёл...»
- «У Светочки муж умер тоже...»
- «Мам, купи, купи, прошу!...»
- «Шоколад почти сто! Невозможно!...»
- «Доча, положи, у нас уже есть кукла дома...»
- «Картошки не будет, крот, гад, пожрал всё!..»
- «Ну, может, немножко?...»
- «Я тебе на работу бутерброд занесу...»
- «Пропустите? У меня только... Ну иди на!..»
- ...

Всё.
Больше вслушиваться нету мочи.

Интересно, какой магазин?

Мельком смотрю на кассира:

Жилет красный.

Жилет говорит:

- Кладите на весы всё
- В честном самом порядке.

(Честно взвешивать – это как?

Последовательность-то какая?

Не знаю).

Кладу на авось.

100 г – кажется, с горкой – переживаний;

Полкило кухонных рассуждений.

На 700 рублей – подорожало – тоски

(С недавнего времени горевать –

Дороже счастливых мгновений).

75 г – искренней радости,

75 г – а весит!.. Весит, как золото.

Лишь бы на карте достало...

– С полтораста кг мне хандры;

Хотела бы меньше, но жёлтый ценник.

Ну и довесьте, пожалуйста, мне

Доброты.

А по чём она, кстати?

(«Ух!...»)

Ну... сколько-нибудь...

Чтобы не мало....

Кассир пробивает:
 – Сдача?
 Сдача? Сдачу не надо.
 Сдачи с такой массой не выстоять.
 Не глядя, я вопрошаю:
 – Выпишете чек?
 Молчание.
 Поднимаю глаза.
 И теряю тут же дар речи:
 У кассира
 Не красный жилет,
 А кровавый хитон,
 Касса – скамья подсудимых!
 Вижу я лик,
 Не верю: взаправду?
 Лик, написанный
 Тысячекратно.
 Спас с мечом передо мной,
 Я восторгаюсь: «Осанна!»
 Осанна, Христос!
 Осанна в вышних, Христос!
 Не суди меня строго, Спаситель!

Тут же снизошло озарение.
 Я поняла, я вкусила просфору истины:
 Если не останется на доброту
 Чуть больше двух третьих от массы тела,
 То зря вымещали куда-то там мы
 Килограммы нашего тела.
 Оборачиваюсь,
 Я хочу
 Поделиться с людьми провиденьем!
 Но толпы уже нет;
 И кассир
 – Жилет красный –
 Не похож на святое привидение.
 Ой.
 Показалось?..
 Жилет говорит:
 «Сдачи?»
 Сдачу не надо.
 Сдачи с такой массой не выстоять.
 Ухожу.
 А в голове до сих пор резонирует:
 Если не останется на доброту
 Чуть больше двух третьих от массы тела,
 То зря вымещали куда-то там мы
 Килограммы нашего тела.

Оксана Лесовик

Аспирант кафедры конституционного и муниципального права ВГУ. Член Союза российских писателей. Заместитель руководителя Среднерусского межрегионального представительства Национального центра современной поэзии «Свой голос». Член поэтического клуба «Левобережье»

Часть речи

Я люблю прилагательные в стихах.
Это дама в возрасте, вся в духах,
В переливах мраморов-хрусталей
Говорит одним про других людей.
Прилагается и другой народ,
К ним – стол, стул, дежурный и новый год,
И автобус утренний в шесть ноль три
Едет в центр, ножки-то подбери.
К ним – играет в салочки детвора,
Курит молча Санечка со двора,
Тётя Люся вешает простыню,
Ты идёшь ко мне. Я тебе звоню.
К ним – сбежавший друг за моей спиной.
До свидания, гуси. Салют, родной.
А ещё в них слёзы от той любви,
И от боли тоже. Пиши, реви.
Я люблю прилагательные к стихам,
Я в них прима, дама, я шут и хам,
Существительным, ты вообрази,
Взгляд скользит за строчками-жалюзи.
Потому что я существую там,
Узнаваясь, может быть, по чертам.
Я люблю глаголы. Реветь, глядеть.
И гореть идеей, и спичкой тлеть.
Я на них рифмую, как повезёт,
Вспоминая шутку на этот счёт,
Предлагая «в», «до», «ко» мне и «от»,
Искривив в усмешке союзно рот,
Начиная строки с излома «и»,
Говоря про автобусы в шесть ноль три;
Изумляясь, бережно, по крупицам,
Собирая буковки, как частицы,
Числясь запятой, щурясь близоруко,
Через раз считая ладонью звуки.
А ещё наречия, Бог ты мой,
Нарекаю всё я своей строкой:
Жизнь и смерть – в молитвах, словах, грехах,
Всё имеет место в моих стихах.
Причастяясь искренне к каждой встрече,
Я живу, стараясь быть частью речи.

Люблю тебя

Ни за что и за всё.
Я не то, чтобы очень уж влюбчивый,
Но с тобой я заметил,
Что есть у меня предпосылки.
Ни за что и за всё.
За щербинку заколки без зубчика
И за прядку волос,
Ту, что выбилась вдруг на затылке.
Ни за что и за всё.
За рассвет под мостом в полчетвёртого,
За учебники в ванной,
Каштаны в кармане пальто,
За бездонное небо, огромное и распостёртое
Перед нами. За то, что у нас не отнимет никто.
Ни за что и за всё.
За смешилки, билеты и пикули,
За примятое платье и криво подшитый пиджак.
За ухмылку и слёзы. Такую, сякую, безликую.
Ни за что и за всё, всей душой, навсегда.
Просто так.

Не та

Поймали стрелки две минуты пятого.
В такую рань, а, может, поздноту
За шторой ночь, дождливая, примятая,
Выхватывает женщину не ту.
Она в плаще: по икрам полы хлопают,
Фонарь проткнул причёску, как пинё,
Лица не видно. Эх, какие хлопоты
В четыре, в дождь, затронули её?
Что шпильки, коим взгляды уготованы,
Паркеты светлых залов простучав,
Без стука угодили придворованно
В размокших листьев жёлтую печаль.
Диагональ дождями пропунктирена,
И листопад летит наоборот,
Не та на шпильках, свет горит в квартире, а
Спешит ведь ни «к кому-то», только «от».

Мир бушевал

Мир бушевал. Глубокие моря
Ходили ходуном под облаками,
Шумела буря где-нибудь в стакане,
Шло время бегунком календаря.
Из гнёзд летели птицы, щебеча,
На синеве рябиновые грозды
Горели днём, серебряные звёзды
В ладонисыпались по ночам.
Герои шли за Родиной, вперёд,
Бил колокол, кровило приграничье,

Звучали песни – мамины и птичьи,
Кто знает, кто из них сейчас поёт?
Мир рос, гремел и обступал тесней,
Но на секунду покидал сознание:
Я замолкала, вглядываясь в спальню,
Где улыбалась доченька во сне.
Грядушку закрывал бронежилет,
Качались звёзды детского мобиля.
В стаканах наступало время штиля.
Мир замирал, предчувствуя рассвет.

Илья Сосов

Студент ВГТУ

Сонет

...и медный вкус колодезной воды,
и сон, забытый меж земных утех,
и серебро предутренней звезды,
и девичий неугомонный смех,
и первый день весеннего тепла,
и гибкость трав, под ветром павших ниц,
и краткий плеск от старого весла,
и горестный полёт последних птиц,
и бабочку, зажатую в горсти,
и плач далёкой дудки пастуха,
и месяц, что застыл на полпути,
и горьковатый, влажный запах мха
возможно ли в Тебя перенести,
скупая плоть неточного стиха?

Тишина

Закружила метель
по широким безлюдным дворам,
тяжело мне шагать по горячему лунному снегу.
Помоги, резвый ветер,
добраться замёрзшим ногам
в толстокожий подъезд,
будто в старый намоленный храм.
Фонари охраняют дорогу к теплу и ночлегу.

Эту жизнь пережить мне поможет
растопленный мёд
многоватных огней,
ибо страшно остаться без света.
Слышу голос извне – Гамаюн заунывно поёт,
зазывает к себе на некрепкий декабрьский лёд,
Но никак не дождётся волшебная птица ответа.

Пусть меня обнимает крылами безмолвная ночь,
позабуду про песни, затихну без боли и страха.
Тишина – вот спасение! Мудрости старшая дочь!
Тишина! Ты пуста и просторна, как келья монаха,
я сумею дойти к Воскресению, тоску превозмочь,
немота мне поможет вернуться из белого праха.

25 марта 2025 г.

Город мой

Художник Альбина Каминская

Ольга Олейник

Окончила Воронежский колледж «Номос» и Российской государственный социальный университет (Воронежский филиал)

Вторник. Лестница. Окна. Дверь.
Сердце – маленький смелый зверь. То бесстрашно на взлёте вниз –
из груди на литой карниз. То трепещет в висках, стучит.

Снова вниз. И потом молчит.
Вторник. Лестница. Всё не зря. По карнизу до октября,
чтоб упасть, оступившись вдруг, в обережье горячих рук.
Надышаться таким теплом, чтоб ветра за глухим окном,
утихали под сенью крыш.

Вторник. Лестница. Осень. Тишина.
Сосчитать до пяти... и дождь. В дар.
Теперь его не уймёшь... сердце.
Маленький смелый зверь.
Вторник. Лестница. Воля. Дверь.

Фрида сегодня не плачет. И не грустит,
Больше не страшно. Прежнее не болит.
Там, где ещё вчера остриём наскально,
Стебель зелёный вдруг изнутри пророс.
Фрида ведёт себя на белёный холст...
Фрида напишет птиц, несожжённый мост,
Гибкие стебли, фрукты, морскую соль.
Ну а сегодня... Фрида рисует боль.

Синим по белому – нежность и чистота.
Жёлтый – безумие. Солнце, лишь иногда.
Больше безумия – зеленоватый свет...
Чёрного ничего в самом деле нет!
Фрида смывает боль и грунтует холст.
Нынче ответ на всё до смешного прост –
Сочная мякоть, зёрен извечный круг...
Viva la Vida – славься и будь вокруг!

Фрида отрежет косы, отложит кисть.
Фрида испить готова до капли жизни.
Бабочкой яркой боль на её пути –
Фрида и в боли может себя найти!
Синим по белому – нежность и чистота...
Фрида рисует солнце в углу холста.

25 марта 2025 г.

Александр Слепых

Выпускник исторического факультета

На Коннострелецкой не видно коней –
Ни в полной упряжке и ни под уздцами,
Не слышны ни топот, ни ржанье на ней –
Умчалися кони в закат со стрельцами...
Как что-то святое, в чём есть колорит,
На фоне пустой перманентной химеры
Название улицы город хранит,
Как крестик нательный, как ладанку веры.

Огромное время и крошечный миг
Одной человеческой жизни
Звездою во тьме, среди многих других
С рожденья горит и до тризны.
И, вспыхнув во времени, гаснет тотчас,
Расставшись невидимой тенью
В пустыне, где смолк вопиющего глас,
Чтоб в вечность вписаться мгновенью.

Я бренной жизнью задавил мечты.
Жил не спеша, довольствуясь немногим –
Поэзия не любит суэты
И не даёт возвышенность убогим.
И я, как кедр на склоне гор, пророс,
Я мучился, ища корнями соки,
Чтобы решить назойливый вопрос:
Откуда жизнелюбия истоки?

Анна Степаненко

Выпускница экономического факультета

Чудеса белой феи

Город мой в наряде снежном,
Зимушкой заворожённый,
Улыбается безбрежно,
С непривычки чуть смущённый.

Лишь вчера, угрюмо хмурясь,
Слезы лил он на прохожих,
А с утра, от снега жмурясь,
Излучает день погожий.

Гроздья алые рябины
Шапки белые надели,
Выбираются машины
Из заснеженной постели.

Детвора, шагая в школу,
Смело меряют сугробы;
И спадают в эту пору
С душ осенние оковы:

Наполняет сердца радость,
И людей светлеют лица.
А нужна была лишь малость:
Белой фее возвратиться.

Художник Альбина Каминская

25 марта 2025 г.

Не припомнить я не могу

Художник Анна Федяева

Ольга Булахтина

Выпускница филологического факультета

Краснощёкие яблоки, среднерусской природы дары,
Поспевали в саду у баб Маши к началу учебного года.
И в портфелях, карманах, руках суетной детворы
По селу расходились на радость простому народу.

«Набирайте ещё, набирайте! Куда мне одной
Столько яблок? Возьмите соседям, друзьям!» – причитала баб Маша.
И лучились глаза её нежностью и добротой,
Когда дети, бывало, в окошко с улыбкой помашут.

Её маленький домик в зелёный был выкрашен цвет,
Только краска давно облупилась, рассохлись белёные ставни.
Что же делать-то, если одна, и хозяина нет?
Ну а сын... Может, вспомнит о матери, пить, непутёвый, устанет...

Она двор проходной свой не закрывала вообще.
Круглый год по натоптанной тропке все шли через садик баб Маши.
Но сухая фигура её в чёрном длинном плаще
На крыльце появлялась всё реже. Пока не исчезла однажды...

И ничто в нашей жизни не изменилось в тот год,
Когда проданный дом обнесён был забором и замер в печали.
Только помню: был в саду у баб Маши особый сорт –
Волшебные яблоки с запахом детства, которые никогда не кончались.

Мальчик синими глазами
Смотрит на меня сквозь время
И с полуулыбкой тает
В шумных школьных коридорах.
Он о будущем мечтает.
Только скоро, скоро, скоро
Будем мы уже не теми,
Всё иначе будет с нами.

Крепит дедушка скворечник
Высоко – достать лишь птицам.
И мы с братом наблюдаем
За скворцами в небе чистом.
Мы, конечно, с детства знаем:
Дедушка разбил фашистов,
И война не повторится.
Зло истреблено навечно.

День Победы. Праздник в школе.
Класс читает письма с фронта.
Как и зрители, мы тоже
Слёзы сдерживать не можем.
Всё, конечно же, о прошлом.
Мир приветлив и надёжен...
.....
Скоро слово «похоронка»
Напоится свежей болью.

Всё опять в бою решится.
Лишь бы Бог остался с нами!
Из Европы выползают
Те, кого мы пожалели.
Снова, снова воскресают
Силы предков в новом теле.
Мальчик с синими глазами
Скоро победит фашистов.

25 марта 2025 г.

Победителю

*Памяти липчанина Никиты Васильевича Панченко, погибшего на СВО 1 апреля 2024 г.
(награждён орденом Мужества посмертно)*

Когда-нибудь меня ты позовёшь,
Когда сойдутся полночь и рассвет.
Весёлым взглядом синим обожжёшь
И, улыбаясь, скажешь: «Ну, привет».

«Ну, где ты был? – скажу тебе. – Прости,
Что я не знала... Столько лет молчал!»
И, пятна крови пряча на груди,
Ответишь ты серьёзно: «Побеждал».

«Ну где ты был?! Откуда ты пришёл? –
Спрошу тебя. – Там не видать ни зги!
Ты насовсем? С тобой всё хорошо?»
А ты ответишь тихо: «Я погиб...»

Я закричу: «Ну что ты говоришь?!
Ведь мама плачет, ждёт тебя домой!»
И, просыпаясь, я услышу лишь:
«Зачем? Ведь я же рядом. Я живой...»

Когда-нибудь в неведомом краю
Дождёшься тех, кто помнил и любил.
Ты смерть не звал, но, встретившись в бою,
Ты победил её. Ты победил.

Владислава Бурносова

Выпускница филологического факультета. Член поэтического клуба «Левобережье»

Память

Звуки
Запахи
Крики и стоны
И разрушенные соборы
И наполненные фасолью
Блики словно из янтаря

Я стою
Наполняюсь
Снова я ладони
Сожму до упора
По сигналу от светофора
Побегу. Занималась заря

Солнце
Птицы
Малина и споры
Где полынь у дорог и заборы
На дверях не закрыты засовы
И так хочется полно дышать

Мама
Лица
Поля и равнины
Поезда толкотня гул машины
Уезжать и не знать все ли живы
Кровь с разбитых ладоней стирать

Память
Болью
В душе на ресницах
Капли слёз где родные все лица
Где соборы заборы столица
Не забудь мою память отнять

Звуки
Запахи
Крики и стоны
И разрушенные соборы
Жизнь свою начинаю я снова
Но от памяти не убежать...

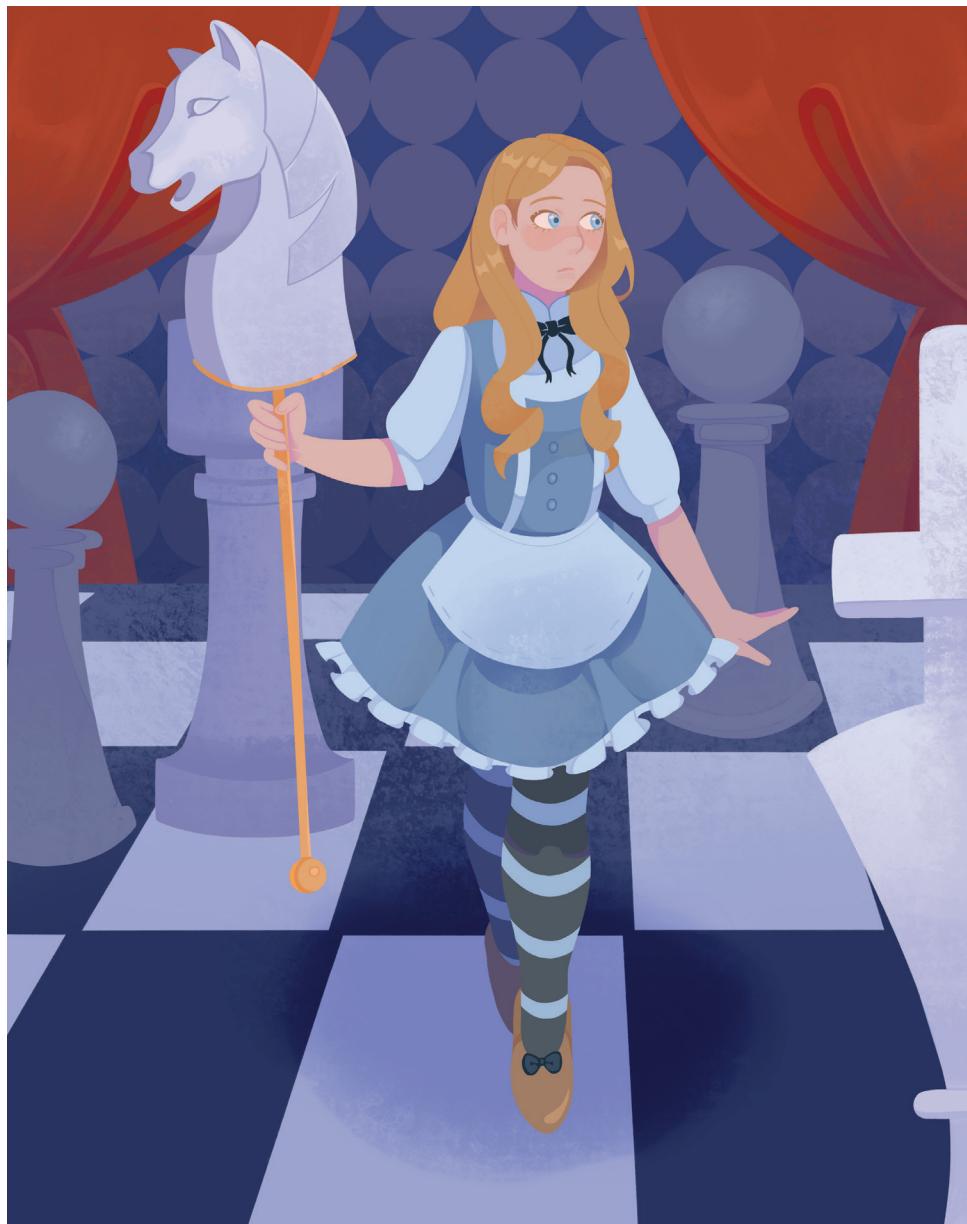
Алиса шла по шахматной доске

Алиса шла по шахматной доске
То пешкой, то ферзём, то королевой.
Порой последней, а когда-то первой,
И мыслей рой тащила в рюкзаке.

Алиса шла по шахматной доске.
Нора, прыжок, и вот уже не дело,
Когда не можешь управлять ты телом,
И только мысли кругом в голове.

Алиса шла вдоль шахматной доски.
Где пешки, короли и королевы
Решали, кто сегодня станет первым,
И жизни разрывали на куски.

Но лишь одна была здесь королева.
Та, что с тропы шагнуть успела первой,
Та, что жила и верила без меры
В фантазии, достойные мечты.
Алиса, спрыгни с шахматной доски!

Художник Альбина Каминская

25 марта 2025 г.

Татьяна Крживокольская

Выпускница факультета ПММ и физического факультета

Баба Устя

(стихи для детей)

Дождик каплет на тропинку,
Пахнет мокрою листвой.
С братом мы нашли в ложбинке
Шар колючий и живой.

По грибы пошли с пакетом...
Городские! Что с нас взять?
И, продрогшие от ветра,
Лишь на суп смогли набрать...

Измесив грязь сапогами,
Повернули мы домой,
Не с пустыми чтоб руками,
Взяли ёжика с собой...

Мы, чумазые, до хаты
Доплелись... И дождь устал...
Краски первые заката
Кто-то в небе рисовал...

Бабка на грибы взглянула,
Покачала головой...

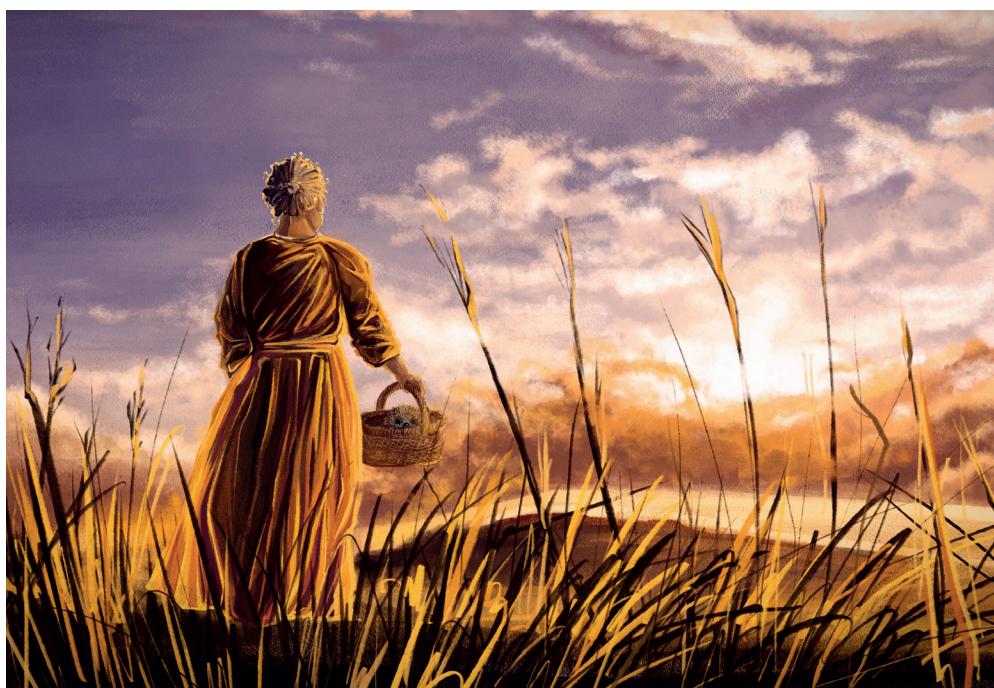
Вспохватилась вдруг со стула:
«А еженя вам на кой?!

У неё ж, гляди-тко! Детки!
А у матки молоко!»
Было Усте, с глазом метким,
Девяносто лет всего...

Через поле уходила
Баба Устя с кузовком,
В нём еженя затаилась
С материнским молоком...

До потёмок как успела?
Кузовок грибов набрать,
Отыскать ежат меж делом,
С молочком вернуть им мать...

Не соврать бы ни словечка.
Знает всё один лишь Бог...
На кануне теплит свечка,
Душу греет огонёк.

Художник Анна Федяева

Если стану ребёнком

«Вы говорите:

– Дети нас утомляют.

Вы правы. Вы поясняете:

– Надо опускаться до их понятий.

Опускаться, наклоняться, сгибаться, скиматься.

Ошибаешься!

Не от этого мы устаём. А оттого, что надо подниматься до их чувств.

Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться.

Чтобы не обидеть».

(Януш Корчак «Когда я снова стану маленьким»)

Если стану я снова ребёнком,
Я отдаю для бомжей старый дом.
Соберу свои книжки в котомку,
И не стану жалеть ни о чём.

Перестану ругать своих деток
За полы, за бардак, за урок...
Ведь хватает для Божьих птиц веток,
И у Бога сочтён волосок.

Если стану я снова ребёнком,
Мандаринами начну раздавать,
Словно солнышки, всем ребятёнкам.
Взрослым людям начну доверять.

Хлеб растительным маслом намажу,
Сахарочка за щёку кусок...
Мне ни голод, ни холод не страшен,
А про смерть мне совсем невдомёк...

Если стану я снова ребёнком...
Нет, не снова... А стану «когда»...
От рождения, с самых пелёнок,
Мы «растём»... Как-то все в «никуда».

Если всё-таки стану ребёнком,
Сброшу груз своих прожитых лет,
Рано утром, босой, потихоньку,
Я услышу, как пахнет рассвет...

Юрий Лебедев

Выпускник исторического факультета ВГУ. Главный редактор газеты «Воронежский университет» (в 2014–2019 гг.)

Обет молчания

Взахлёб играли мы словами.
То, что друг другу написали –
Легло границей между нами,
И мы однажды – замолчали.

И вот – молчим. Сквозь аватарки
Не так-то просто замечать,
Что голос, обращённый в знаки,
Живым не может зазвучать.

И в заэкранным мире странном,
Где власть толпы, которой нет,
Случайны встречи. И обманом
Способен стать любой привет.

Ты прочитаешь. И представишь голос –
Не мой, быть может, а чужой.
Наш путь совместный – тонкий волос,
Где тут гоняться за мечтой?

И я слова зазря не трачу,
Чтоб не нарушить твой покой.
Твоё молчание много значит:
Ты хочешь не нарушить мой...

И так проходит год за годом, –
Молчаньем мы с тобой близки.
И, помня всё, что с нами было,
Обету своему верны.

25 марта 2025 г.

Снова осень. И Солнце уже закатилось,
И бреду я впотьмах по дороге домой.
Вновь неясно – а что же за день изменилось,
Если выбор опять меж тенями и тьмой?

Тёплый свет поджидает кого-то за окнами.
Этот кто-то – не я. Словно ветром влеком,
Я осенним листом пролетаю над лужами.
Впереди ожидает лишь отдых и сон.

Каждый угол скрывает пронзительный ветер,
Дует строго в лицо он – куда б ты не шёл.

Этот город – не Диксон, и даже не Питер,
Но дорогой октябрьской пронизан и он.

Вот и башня. Точнее – два дома-соседа,
Просто тянутся ввысь. И по воле монет,
Они просто прекрасно скрывают из вида,
Что покоя и счастья вверху тоже нет.

Пропищит домофон. Хлопнет дверь за спиной.
Лифт меня вознесёт на девятый этаж.
Я дошёл. Меня ждут пустота с тишиною.
Их заполнит рассказ про осенний мираж.

Сергей Матыцин

Учился в Воронежском государственном педагогическом университете. Публиковался в журнале «Подъём», антологии «Воронежские поэты. XXI век», «Литературной газете», сборниках, альманахах. Автор четырёх поэтических книг. Победитель и призёр ряда поэтических конкурсов.

Ириски

Назавтра дети съедутся на дачу.
На лето привезут к тебе внучат.
За ушком чешешь сытую Удачу,
что на коленях щурится, мурча.
Считаешь птиц над морем, в море – волны,
на небе – облака, в уме – овец.

...И вот он – твой кулёк – ирисок полный.
И ты – молочнозубый сорванец,
набивший рот богатством сладким этим.
И друг твой Колька – смотрит – как жуёшь
последнюю-последнюю конфету.
Он злится, что тебе проспорил нож...

Удача – прыг с колен. И сон не в руку.
И ты, поклацав челюстью вставной,
посмотришь на ириски, что для внуков
насыпаны в конфетницу женой.
Вздохнёшь с улыбкой: мол, не стал моложе.
Что тапочки смешить, жуя ирис?!

Припомнишь: где найти тот самый ножик,
чтоб завтра внуку Кольке подарить.

Бабка

Там – среди мусорных ящиков –
вовсе не морок сквозь дым –
что ни на есть настоящая –
ищет остатки еды
бабка – глазёнки как камушки.

Люди идут – ни гу-гу.

Некто спросил её: «Бабушка,
чем я помочь вам могу?»
Пальцем – артритной указкою –
тыкнув в пространство вдали,
бабка сказала неласково:
«Всё хорошо – отвали!»
В уши – наушники. С музыкой
посланный некто пошёл.

Бабка копается в мусорке.
Всё у неё хорошо.

равномерно колёса стучат
под плацкартным вагоном
в убаюканном здесь и сейчас
между приостановленных тем
старика разбужу
осторожно коснувшись плеча
он проснётся со стоном
утопив пятерню в бороде
и ворча препотешно на шум
соберётся и прочь пошуршит
без прощаний излишних

стану взглядом ловить недвижим
в заоконном мельканье рассвет
и привидится мне
в полудрёме и сквозь миражи
будто то был Всевышний
а не просто попутчик и дед

и его больше нет
больше нет

Воронежское юго-западное

По Маршака пешочком в Танаис –
вот семки, чтоб от белки откупиться,
что нагло по сосне прискакет вниз:
мол, покорми – не нарушай традиций.
А дальше по дворам, сквозь гаражи,
где, прошмыгнув в дырявую ограду,
через железку ёпс перебежит,
и мне туда примерно так же надо.

Забег по тигулям не так уж плох
(а если ковылять – дойдёшь до ручки).
И вот уже река Песчаный Лог,
что гопниками кличется Вонючкой.
Но речке всё равно, что так зовут –
 журчит себе и пахнет понемножку.

Ихтиофауна простая тут:
от берега до берега – гупёшки.

Реально – гуппи.
В средней полосе.
В реке обычной.

Экокатастрофа?
А может глупый случай?

Пофиг всем!

Привычно с детства.
И не то чтоб плохо.

Сачком черпаю рыб туда-сюда:
в аквариум отправятся бедняги,
где злой ротан по кличке Забадай
их терпеливо ждёт из-под коряги...

А за рекой, где кладбища кресты,
котейка подбежит – чернее ночи:
ей рыбов об показывайся ты –
смотреть на некрасивое не хочет.

Аркадий Пресман

Выпускник филологического факультета

Встреча

А. Б. Ботниковой

Кружится снег в разгаре дня,
ложась на ветви.
Профессор милый, вы меня
узнали, нет ли?

По вторникам и четвергам,
без всякой спешки,
вы лекции читали нам
по «зарубежке».

Духовности высокий свет –
он весь из тайны –
с годами не распался, нет
и не истаял...

От снега улицам седеть,
расти сугробам.
Поговорить бы, посидеть
в кругу особом.

Собраться можно без труда
в кафе «Желанном»:
с Манон Леско придём туда
и Жан Вальжаном.

Мы позовём с собою их
на этот вечер.
Закажем стол на четверых,
затеплим свечи.

Качнутся тени на стене,
и вдруг на вдохе
окажемся в другой стране,
в другой эпохе.

Отыщется таверна та,
куда, сутулясь,
брела под вечер беднота
парижских улиц.

Там горлопанили, дрались,
кипя от злости.
Божбою страшною клялись,
играли в кости.

И тискали помятых дам,
спиртное дуя,
и воры укрывались там
от правосудья.

Ну а в какой укрыться дом
под самый вечер
тому, кто каторжным клеймом
навек отмечен?..

Суров ли, беспощаден суд, –
страшней другое:
когда на весь народ кладут
клеймо изгоя.

Печать отверженности – боль.
Она под кожей.
И не поможет алкоголь
и драка тоже...

А в кабаке привычна грязь,
и в дырах кофта,
но искра нежности, таясь,
мерцала в ком-то.

Она разглаживала вновь
черты уродства,
преображаясь вдруг в любовь
и благородство.

И мы, профессор, верный тон
взъём, пожалуй,
в одной компании с Манон
и Жан Вальжаном.

И выпьем из российских чаш,
придвинув свечи,
за всех отверженных, за наш
тревожный вечер.

День поэзии

Не припомнить я не могу
в календарной цепочке длинной
день поэзии ВГУ,
позабытый, полуылинный.

Половодье кипящих строк,
перекрестье различных мнений.
Каждый третий – почти пророк.
Ну а каждый четвёртый – гений.

Броских истин эффектный гул.
Блеск рифмованных загогулин.
Сколько дерзости! А в углу –
неизвестный ещё Жигулин.

Не из первых его черёд.
И на сцене ютится крайним.
Ладно, что же, он подождёт.
Не к таким привык ожиданьям.

Голос тих и негромок стих.
Но душевны слова и строги.
Сколько мудрых раздумий в них
и сердечности, и тревоги...

За окном тополя в снегу.
Отступать зиме неохота.
День поэзии ВГУ.
Ну а год – пятьдесят какой-то.

Вот уж зависти кто не ведала.
С васильками косящих глаз,
бесшабашная Ленка Неведрова,
ты была даровитей нас.

Песни пела, пила, бузила,
но прощались тебе грехи
за стихи, что в себе носила,
за талантливые стихи.

Ты в поэзии шла сторонкою,
а не пёrla по большаку.
Помню дерзкую, помню звонкую
молодую твою строку.

Не из патоки, не из теста –
из рисковости огневой.
Не нашлось тебе, Ленка, место
в антологии краевой.

Что ж, угадываю причину:
составитель – учёный муж –
всех по рангу расставил,
по чину,
ну а ты из мятежных душ.

Тихо близится увяданье,
молчаливо глядишь окрест,
но не надо в своё призванье
заколачивать тяжкий крест.

Обед

Раскрошил я пряник зря
в скверике, где клёны:
запугали снегиря
жадные вороны.

Урезонь таких сластён! –
налетели грудой.
Отодвинут, оттеснён
ими красногрудый.

Падал снег, и шёл обед,
как за белой ширмой.
Серых много, ярких нет.
Улетел снегирь мой.

Художник Синицына Сестрица

Валентин Рахманин

Вечный студент ВГУ, профессор. Участник первого «Дня поэзии ВГУ»

Бывает совесть – луч во тьме.
 Бывает – кривда на уме...
 А что случилось, то случилось.
 Наверное, причина в том,
 Куда-то боги отлучились,
 Подсуетился бес хвостом.
 А ведь могло же быть иначе.
 И кто-то ведал и гадал,
 Но сам себя не озадачил,
 Самозабвенно сплоховал.
 Жизнь не бывает однозначной
 И счёт по-своему ведёт.
 Судьба даёт кому-то сдачи,
 Долги кому-то воздаёт.

Ну что мне затылок скрести,
 Теряя над временем власть...
 Из прошлого мне не уйти,
 А в будущее не попасть.
 Мои догорели костры,
 И уголь последний остыл.
 Мои откровенья просты:
 Спасибо за то, что я был.
 За то, что в России я жил
 И верил в её идеал,
 Впадал в её миражи
 И правду её искал.
 За все передержки в пути,
 Россия, меня прости.

Безгрешным ангелом я не был,
 Но бес меня не искушал.
 Я не терял родное небо,
 И правду на земле искал.
 Искать не славу и награды,
 А совесть вкладывать в дела
 И честь в соблазнах не терять, –
 Мне завещала крепко мать,
 И принимать любую правду,
 Какой бы горькой ни была.
 Но есть великая отрада –
 Увидеть свет в гудящей мгле.
 По совести всегда, по правде
 Жить надо на земле.

25 марта 2025 г.

Владимир Тулупов

Декан факультета журналистики

Как быстро строятся
высотные дома,
как быстро сносятся
«хрущёвки», двухэтажки,
в которых чья-то жизнь
была-прошла,
где ты родился,
говорят, в рубашке.
А значит, счастлив
должен быть –
народ
недаром же хранит
сию примету,
и да – был счастлив,
только поворот
истории
отверг примету эту...

Пичуги заливались за окном,
подняв меня с кровати спозаранку,
чтобы, умывшись, сел и за столом
занялся делом и свою делянку
достойно обрабатывал... Весна
звала капелью, солнцем и ручьями,
вот почему мне было не до сна,
и я поднялся с тёплыми лучами.
Пичуги ликовали: светел день,
и мягок ветерок, и поле чисто,
ещё деревья не бросают тень!.. –
так распевали птицы голосисто.
Не знали крохи, что в один момент
нарушить это может рок случайный,
и он взорвёт, нежданный интервент,
наш мир чудесный, милый, музикальный...

Был рысаком я не помню когда уж,
а перед тем малышом-сосунком...
В лучшее, в лучшее время, пожалуй...
Ну, может быть, и когда стригунком
бегал постриженным в школе-загоне,
шустрым полуторником, годовичком...
Нет... И потом... Когда ждал на перроне
первый экспресс... Это было... Потом...
Был верховою, упряжной и вьючной,
был и рысистой, и скаковой
быстрой лошадкой и, кажется, нужной...
Так и скакал по дороге земной.

Перед экзаменом

Не крылечко, а крыльцо –
доски на надёжных лагах,
тень бросает деревцо,
где сижу я – весь в бумагах:
вновь экзамен ждёт меня,
запах яблочный тревожит,
место выбрано не зря –
верю, сад опять поможет,
верю в тёплое крыльцо,
в вечную поддержку дома,
что я сохраню лицо,
что вернусь с победой снова,
что наш яблоневый сад
благосклонно сдвинет ветки:
мол, тебе я снова рад,
мол, откушай-ка ранетки...

Художник Синицына Сестрица

25 марта 2025 г.

В новом свете

Художник Арина Подосенова

Светлана Владимирова

Окончила факультет ПММ. Работает программистом. Член Союза писателей России

Высокогорное

Ю. М. Глазунову

Спустившись с гор, к своим делам спешим,
По мелочам ликуем или злимся,
Но помнят души снежный блеск вершин –
Нам снятся горы. Мы горам не снимся –

О том не просим и не ждём отказ,
Для истины не ищем середины:
Что мы для них и что они для нас? –
Несоразмерны, несопоставимы.

Наш день затихнет в четырёх стенах –
Горам не спится, если мы уснули:
Они прийти к нам могут только в снах,
Чтоб мы к ним, отложив дела, вернулись.

Сегодняшняя грусть с тобой в родстве.
За скобкой дня она – как запятая.
Темнеет рано. Снегу выпадает
Крошить и умножать фонарный свет.

За скобкой жизни ты – неважно с кем
Ни этой и ни прошлую зимою.
Без нас хватает шахматных героев
На города разложенной доске.

Зима не чтит совместных наших дат,
Она, идя путём кристально-млечным,
Из льдинок слов выкладывает: «Вечность», –
И, безусловно, верит – навсегда.

Птица

1

Крылатый мой – пока птенец
С ладошку ростом.
Под стать ворвавшейся весне –
А с ней непросто.

– На тех, кто кормит, не кричи!
Не злись на клетку:
Поранившись – потом лечи
Тебя до лета...

Пусть время ставит на места,
Латает раны.
А ты рости и вырастай,
Свободе равный.

Зачем хоть что-то предрекать,
Лишать открытий?!

Воздушны пёрышки пока,
Тонки, как нити.

У нас всё – с чистого листа:
Мечты и тайны...
Лети – весна тебе под стать
Крылатой станет!

2

Снова ходим по кругу,
Как осенние ливни.
Привыкаем друг к другу –
К параллельности линий.

Я сажусь молча рядом:
Я пришла к тебе в гости,
Птица в тон листопада,
Распушившая хвостик.

Звонкой трелью встречает –
Расскажи-ка мне лучше:
Кто кого приручает?
Кто кого из нас учит?

25 марта 2025 г.

Владимир Воронин

Выпускник исторического факультета ВГУ. Участник ЛИТО «РоемFM»

Летний пейзаж

Степь не боялась расстояний, жара была прямой и честной
 Под колесом солнцестояний та ночь казалась неуместной;
 Июньских ливней стихли споры, заката кончился пожар,
 Сквозь солнцем выжженные шторы не проникает свет от фар;
 Что отличает шорох в чаще от ясных выстрелов из пушек?
 Вода в реке не станет слаще от звуков пения лягушек;
 Сложить прожорливость и зло, помножить на тревоги тыла
 Так летней ночью время шло, и наконец земля остыла...
 Путь проделав летним лугом, подбирать пароль и ключ,
 Ожиданием, испугом веют с неба клочья туч
 Не увидеть в новом свете всё, что рядом: жар и дрожь –
 Облака уносит ветер раньше, чем прольется дождь.

Олег Гулько

Выпускник физического факультета ВГУ

Мы говорим на разных языках,
 Стихами, прозой, языком искусства.
 Когда свои скрывать не можем чувства,
 И мысль не в силах удержать в руках.

Мы пишем стих в тот миг, когда нам грустно,
 В минуту чувств – сильнее, чем кошмар.
 Когда нет сил в душе тушить пожар,
 Мы обращаемся к себе, творя искусство.

Не пишется, когда нам хорошо –
 Мы обнимаем милую за плечи,
 И до рассвета плавно тают свечи.
 А на душе – тепло, тепло... Тепло...

Писали: счастье любит тишину.
 Ты пишешь, чтобы поделиться с миром,
 Переполняющим тебя звучаньем лиры.
 Когда с улыбкой шепчешь: «Я тебя люблю»...

Я – стоик... Вы мир чёрно-белым представьте!
 Где каждый в себя погружен и боится.
 Так проще, так легче. Себя переплавьте,
 И даже не смейте случайно влюбиться!

Но нет, не по сердцу мне это стремление –
 Укрыться в надёжном устойчивом доме.
 «Но там безопасно, нет ссор и волнений!»
 Однако ты словно живёшь в полудрёме!

Живём мы среди катастроф и болезней.
 Но помнишь: во мраке всегда светят звёзды?
 Попробовать мир изменить интересней.
 Дарить всем тепло, быть счастливым не поздно.

Савелий Кострикин

Студент исторического факультета

Рондо

Христос помог. Он и сейчас поможет,
Присутствуя в поступках волей Божьей,
В делах, поступках каждого из нас.
Внутри огонь стихии не угас,
А умершим поэтом Бродским ожил.

Такая сила, что мороз по коже.
Поможет нам нерукотворный Спас,
Но отмотаем циферблат на час.
Христос помог.

Он был на нас похожим
И был распят Пилатом в день погожий.
Что видел Бога перед смертью глаз?
К Отцу на небо отворённый лаз.
Но мир узнал о Нём, хотя и позже.
Христос помог.

Елена Пархоц

Выпускница факультета ПММ

Следы

Походит по двору февраль,
Уйдёт – и все следы растают:
Птиц, что к кормушке прилетают,
И кошеч, и мои... Мораль:
Оплакивать бесследность? – нет!
Смахнув слезу, спешить момент
Свой ускользающий ловить –
Кормушку до краёв наполнить,
А птички – гнёзда будут вить
Всё лето, про кормушку помнить...
И – несомненно! – повторится:
Двор этот, дерево, и птицы,
Февраль, кормушка и следы,
И я, и ты...

Букет

Я съят, мне тепло, и нигде не болит,
И в сердце слагаю букет из молитв,
Меня обнимает жена-тишина –
И всё-то без слов понимает она...
Всем тем, кто не спит и не ест, и в бою
Меня и жену защищает мою –
Всем-всем! – кто за краем и кто на краю –
В букете: «Спаси, Бог» и «Бла-го-да-рю-ю!»

25 марта 2025 г.

Дарья Помигуева*Студентка филологического факультета***Переполнено сознанье...**

* * *

Пе ре пол не но
Сознанье.
Взор рассеян.
Меркнет свет.
День – открытье;
Ночь – признанье;
Вечер – снова человек.
Ну, а утро – это праздник;
Это радость.
Солнца луч.
Это кофе,
Это сладость;
Жизнь без чёрных-чёрных туч.
Утро – лёгкость.
Озаренье.
И стремление шагать.
Непрерывное веселье.
Звон и треск... и тиши... да гладь.

Кто-то вдруг порезал палец.
Кто-то вдруг набил мозоль.
С щёк пропал прежний румянец.
И исчез прежний настрой.
У кого-то кто-то умер.
Кто-то плачет по ночам.
Для кого-то все минуты
Даже хуже палаха.
Кто-то жизнь свою не любит –
Проклинает целый мир.
Сам себя терзаньем губит;
Искусал весь рот до дыр.
Ну а кто-то вечно терпит:
То лишения, то гнёт
И обидчикам всё внемлет
Днём и ночью напролёт.
Жизнь сравнить можно с больницей
Люди в ней вечно больны
Им бы взять и излечиться,
Но лекарства не найти.

Галина Хожаинова*Доцент кафедры биохимии и физиологии клетки*

* * *

Дует ветер с реки
И деревья неслышно качает.
И в лесной тишине
Только слышны шаги.
Кто-то по лесу ходит, мечтает.
На опушке лесной нету снега уже.
Прошлогодние листья примяты.
А у старого пня голубеет слегка
Наш подснежник весною принятый.

Анастасия Червинская

Выпускница кафедры теоретической физики ВГУ, к.ф.-м.н. Участник Дней Поэзии ВГУ, поэтических конкурсов «Стихоборье», «Конкурса переводчиков им. С. Я Маршака»

Little Red Riding Hood and The Wolf
by R.Dahl

Однажды в теплый летний день по лесу волк гулял,
Точней хоть что-нибудь поесть голодный волк искал.
И тут набрел на чудный дом под крышей черепичной,
Где в кресле волка ждал давно обед весьма приличный.

Хоть бабушка была мала, да и к тому ж стара,
Он съел её в один присест – не ел-то ведь с утра.
«Эх, бабка-то совсем жестка, – промолвил серый волк, –
Получше были времена, я в бабках знаю толк!»

Затем в шкафу себе нашёл он бабушкин наряд:
Чепец, перчатки и чулки, и шёлковый халат.
На нос очки себе надел, газету в лапы взял,
Чтоб к бабке, кто бы ни пришёл, в нём волка не признал.

И не прошло и полчаса, как внучка в дом вошла.
Ну, до чего ж она свежа, нежна была она,
И возбуждала аппетит, как красная икра,
Ведь голоден был серый волк, почти не ел с утра...

«Что стало, бабушка, с тобой? – тут внучка говорит. –
Большие уши у тебя и очень странный вид»
«Чтоб лучше слышать, я могла...» – волк молвит ей в ответ.
И видит вдруг – ну и дела, у внучки пистолет!

Такого волк не ожидал. От страха он икнул...
Как поприличней тут сказать? – он бабушку срыгнул.
Ура! Ведь бабушка жива! Но уж взведён курок,
Хотел тут волк было удратить, пуститься наутёк...

Не тут-то было! Грохот, дым и громкое пиф-паф –
Качалка волка подвела, и шёлковый халат.

25 марта 2025 г.

* * *

Зимою внучку повстречал я на лесной тропинке,
 Бабуле к празднику несла она пирог в корзинке.
 – Ах, что за чудное манто, прекрасный серый мех!
 В ответ от внучки услыхал весёлый звонкий смех.
 – В обиду бабушку не дам, и это вам не шутки!
 Досталось волку по делам, а мне досталась шубка.

P.S. переводчика:

Гораздо лучше б был конец, где Волк смог убежать,
 В театр детский Серый Волк устроился б играть.
 Никто не смел бы возразить, что Серый Волк – Актёр.
 Его от волка отличить не смог бы режиссёр!

Аншлаг, аплодисменты, Бис! – в восторге детвора,
 Доволен даже Серый Волк, ведь сыт всегда с утра.
 Ему хватало б на еду – сосиски и паштет,
 Ведь в роли волка, согласись, точнее волка – нет.

С получки девочке купил Волк чудное манто:
 Почти как натуральный мех! (не пострадал никто!).
 И контрамарки в первый ряд бабуле присыпал,
 И «Браво, браво, Серый Волк!», скандировал весь зал.

Себя здесь вынужден прервать: ведь сказочке – конец,
 А кто дослушал до конца, тот, просто, – молодец.
 Мораль здесь, в общем-то, проста: из жизни выйдет толк,
 Когда призвание своё найдёт в ней даже волк!

Рисунки выполнены с помощью программы искусственного интеллекта

Они любят

Перевод с английского

(Carolyn Graham – He Loves the Ocean)

Он любит океаны и синь небес высоких,
Она же – стук колёс и рокот самолётов.

Он любит жить в глухи и горы облаков.
Она же – шорох шин и грохот городов.

Она – по телефону ночные разговоры.
А он – покой вершин и подниматься в гору.

Они такие разные, и все же они вместе,
Хоть любит он молчать, она же – любит песни.

«Что ж их объединяет?» – поднимете вы бровь?
Отвечу, не колеблясь: Конечно же – любовь!

Ольга Червинская

Ведущий инженер кафедры ядерной физики. Участник Дней Поэзии ВГУ с 2009 года

В защиту старухи у разбитого корыта

А что старуха?
Без дела она не сидела,
Терпелива была да умела:
Печь топила, выгребала сажу,
Бабка пряжу пряла на продажу.

Разве вам старуху не жалко?
Мужа нет, вечно он на рыбалке,
У разбитого бабка корыта,
Необласкана и неумыта.
Не в чем пряжу прополоскать,
А без этого – ведь не продать!

Бабку строго вы не судите,
Вы в её положенье войдите.
Рыбка голову бабке вскружила,
И мечты все её погубила.
Что ж осталось? На море смотреть,
Да с корытом разбитым сидеть.

Только волны у берега бьются,
Да насмешницы чайки смеются.
Ну а мужа, как нет, так и нет!
«На рыбалку!» – И весь ей ответ!

Закат

Садится солнце, и его прощальный взгляд
На яблоне позолотил листву.
Об этом я читала столько раз,
Но лишь впервые вижу наяву.

И золотые листья чуть дрожат,
Такой спокойный солнышка уход.
Вот взять бы кисть – да и нарисовать,
Чтоб любоваться им потом хоть целый год!

Дмитрий Чугунов

Профессор филологического факультета. Член Союза писателей России

День не должен вовсе заканчиваться,
Ночь должна бесконечно длиться,
Когда количество переходит в качество,
Тогда полёт обретает птица.
А если мелодия фортепиано,
Плывшая на закате над столиками,
Конечна? А если ошибочна пьяная
Улыбка человека, вставшего на ролики?
А если паутинка мостов и дорожек
На парк легла лишь эскизом большего?
Вот я иду, и меня тревожит
Это ещё не познанное «может быть».
А что, если завтра гроза случится?
Пугливая кошка станет отважной?
А в книге не будет последней страницы?
И я не узнаю всей правды бумажной?
Господи, как же наивно хочется!
Ещё и ещё узнавать – пусть малость!
И жить – чтобы дети гордились отчеством...
И чтобы время в часах не кончалось...

Есть вещи, которые не зарифмуешь –
Сентябрьское солнце, шуршание листвьев,
И в их простоте – то, что вечно ревнуешь,
Но не достигаешь... Всегда неказисты
Бывают старинная уличка рядом,
И тихое слово случайной поддержки,
И радость твоя за потупленным взглядом,
И счастье твоё, не ценимое прежде.
Совсем неказисты, но как же прекрасны!
Как синий закат над темнеющим парком,
Как лица прохожих, как храмы... И ясно,
Что завтрашний день будет лучшим подарком...

Художник Синицына Сестрица

25 марта 2025 г.

Миры и дороги

Художник Синицына Сестрица

Виктория Асадулина

Студентка филологического факультета

Пришёл. Стоишь в дверях, не зная,
Что делать нам и что сказать?
Какое будет вновь начало
Пластинку снова повторять?

Заговоришь, не поднимая
Своих стыдливых глаз опять,
Твоё молчание и отчаянье
Не позволяют мне дышать.

Татьяна Воронова

Выпускница филологического факультета

Боюсь гадать, какой чудак
По этой улице протопал, –
Но отделяет ровно шаг
Военкомат от барбер-шопа.

И там и там слова остры,
А шуточки, как мир, стары –
Ну что поделаешь, мужчины.
...И сверлит мысль, что на вторых
Пошла второго сорта глина.

Третья осень

Осеннего неба кротость
И парковых крон угар...
Девчонки щебечут что-то
Про новый «ак-сес-су-ар»,

Трёхлетка зарылся в груду
Укрывшой газон листвы –
Давай, наслаждайся чудом,
А то увезут (увы!).

И прямо на непоседу
Звезду опускает клён.
...А мимо – идёт победа
В лангетке и с костылём.

Городу привычная картина:
Ресторан – театр – БТР.
(Видимо, такое совместимо:
У эпох особый глазомер.)

Чуть подпорчен вид архитектуры,
Но ведь это временное, чай...
(Чем стоять и плятиться, как дура, –
Для стихов детали подмечай!)

А вокруг бубнит свой гимн рутина –
Самый пик рабочей суэты...
Ну а те, кто за стеклом кабинки,
Так же безымянны, как и ты.

Ни тебе медийки, ни парада...
Но одну черту не упусти:
Вьется, словно кудри винограда,
Вдоль по крыше зелень маскети.

25 марта 2025 г.

Прошли прекрасно праздничные дни:
Ночное небо красили огни
(Хотя сейчас оно запрещено, –
Отышется и семь, и восемь «но»),
Салат, глинтвейн, «Ирония судьбы»,
На ярмарке – солёные грибы,
Аж два катка (убейся, но залей!)
И очередь туда, как в мавзолей,
И ёлка – миллионов шестьдесят
(Висульки, где положено, висят) –
С погодой только, жаль, не повезло.
Да стёкла в двух высотках поsekло
Осколками... Зато под Рождество
Работала на совесть ПВО!

Работала и следующую ночь...

А местные «ферверкеры» не прочь
В суровый хор добавить огонька:
Для этого и праздник, как-никак...

Волонтёрское (Ода скотчу)

Колеса, наверное, устали подсчитывать рытвины:
Война, отступая, помечает свои пути...
Мелодия скрипящего скотча – почти молитвенна,
А в отдельных случаях – даже и не почти.

Сто сорок недель ожидания – кого не ослабили?
Вести приходят шёпотом и бьют наповал.
А скотч – скрипит себе и приклеивает послания:
«С любовью... носилки... перевязочный матери-
ал...»

Но вот и конец намечается – коробки построены,
Да и самое время неуклонно движется к ночи.
А в воздухе ещё позванивает песенка родины –
Честный, усердный скрип обычного скотча.

Дарья Гузеева

Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Старший преподаватель кафедры ООД ЦФ РГУП им. В. М. Лебедева. Куратор Литературного молодёжного центра г. Воронежа

На какую нажать кнопку,
Чтобы любовь – в топку,
Чтобы не ждать звоночка,
Чтобы забыть и точка!
Вырезать аппликацию –
Форму любви, на станции
Жизни её по рации
Чтобы искали прочие,
Но только не я, а ловчие
Счастья другие. Впрочем,
Если найдёте кнопку,
Чтобы любовь – в топку,
Не говорите, милые,
Без любви жизнь – постылая.

Когда

Когда рушится мир,
Когда деньги – ничто,
Когда плавится золото,
Нефть исчезает,
Когда прежний кумир
Пропадёт ни за что,
Когда правду по шёпоту
Мир не узнает...
Ничего не останется
В этом огне. Ты пойми,
Лишь Любовь всех спасает.

Владимир Емельяненко

Выпускник физического факультета ВГУ. Член клуба поэтов «Лик»

Шагательное

Ты чей? От колыбели? Из горсти?
Из детства или пушкинского слога?
От той земли, где велено расти?
Но дышат глыбно дедовы пути:
«Россия – вековечная дорога».
Шаги отца на Дрезден из краёв,
Где в степь глядят уральские отроги.
Какой-то давний, древний, гулкий зов
И пионерское тебе: «Всегда готов!»
Идти в полуденные пыльные дороги.
В науки ли пойдёшь, иль в ремесло,
По глади по озёрной, по порогам?
В какие бы края ни занесло,
Сжимай рукою цепкое весло,

Тебе всегда отмерена дорога.
О, отрок, не надейся, не свернёшь
Туда, где мягко, сладко и нестрого,
Пройдёшь, узнаешь: лёгкость – жадный нож.
Они по жизни в рифму: «нож» и «ложь».
Но не свернёшь, коль главное – дорога.
От колыбели до Большой черты,
До узкой тропки у ступеней Бога,
Через паденья и незрелые мечты
Увидишь резы вольной красоты:
«Россия, это – правда и дорога».

Ксения Киселёва

Студентка филологического факультета

Влюбляются в глаза,
а любят свет.
Для нас самих порой
он незаметен.
Влюбляясь, слышишь
каждый вдох
и осенью –
весенний ветер.

И человек
с апрельскими глазами
вдруг силы черпает
в душе напротив.
Откуда?
Не было их там.
Поверь в слова,
сомнения отбросив.

Любя, не спорят,
дескать, «худый аз;
как терпишь ты
такого человека...»
Но, отказавшись от себя,
хранят свой свет
для близкого.
Отныне и до века.

25 марта 2025 г.

Диана Мануковская

Закончила физический факультет. Младший научный сотрудник Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья им. И.В. Тананаев Кольского научного центра РАН (ИХТРЭМС КНЦ РАН)

Цикл «Четыре маски»

1. Алхимик

Я засну, Алхимик, усну, и стану китом.
Буду очень синим, как небо над ранней пашней.
Нарисую огонь, дракона, махну хвостом,
Приземлюсь на крышу синей подводной башни.

Ты заваришь чай и остудишь под серебром.
Сотворишь из пены венец для морской царицы.
Ты живёшь во мне, как сердце стучит в ребро.
Разбуди, Алхимик, меня, и дай напиться.

2. Привратник

Привратник, закрой эту дверь,
из неё по душе сквозит.
Она открыта сто лет, у меня обнаружили что-то,
какой-то «-зит».

Там ноль, и конечно по Цельсию,
точно же не Фаренгейт.
Закрой, дорогой, надоел до чертей
бесконечный живой опен гейт.

Привратник, я душу сверну,
как иные полезут в карман.
И плату тебе наскребу,
может в долларах, может в "шарман!"

Привратник, а может быть ну
эту чёртову прорву дверей?
Последняя скрипнет, и мы поплыём между
звёздных медовых зверей....

3. Странник

Странник, ну где ты там?
Я подготовила Северный.
По полной: обрыв, и район,
и ветра, и погоду, и склон.
Мы встретимся, выпьем,
и станет нам скатертью поворот,
Звезда, океан, афалин,
километр, карабин и поклон.

4. Чародей

Чародей,
не робей!
Пробьёмся.

Насыпем,
Намажем,
Прольёмся.

И сказкой
другой
обернёмся.

А город?
Покажут –
Вернёмся.

Мы вместе,
я рядом,
не бойся.

Константин Кондратьев

Выпускник экономического факультета. Член клуба поэтов «Лик»

(Воспоминания о котельной)

(зимы 2013–14 года)

«...скрып мороза под сапогом

слышался за полверсты...»

(Н. В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»)

I

Мело, мело по всей земле.
Мигала лампа на столе.
Моргал под лампой ноутбук.
А в ноутбуке жил Facebook.
Я жил в Воронеже, где степь
плясала выюжный step-by-step.
Она же – там, где брёх собак
в метели боевой гопак

метали. У меня котёл
под боком был. У ней – костёл.

III

Мерцала звёздочка в окне
заиндевевшем. На стене
блок индикаторов мерцал.
Сквозняк железною бряцал
цепурой на тугой двери.
И огонёк мерцал внутри
на ноутбуке, как бычок,
щелчком отправленный в бачок,
где на пороге намела
жизнь...

Вот такие, брат, дела.

II

Но всё равно – фейзбук жужжал.
Снежинки тысячами жал,
как оски, жалили лицо,
как на железное крыльцо
я выходил перекурить,
вернуться и поговорить
опять о жизни, что идёт,
и о погоде, что метёт

со всех концов по всей земле.
Мерцала звёздочка во мгле.

IV

Хотелось пить и не хотелось есть.

Жизнь изощрённее, чем хлеб, вода и месть.
Ночь больше, чем в углу сопящий вол.
Звенел над кровлей тополиный узкий ствол.
Теплом дышал заснеженный саман.
А уж потом развиделся Лиман.

И я уснул. Гремели поезда.
И на столе чуть теплилась звезда.

25 марта 2025 г.

(Пейзажная лирика)

Шёл человек по насыпи.
А я смотрел в окно.
Снежинки ветер сбрасывал
с ветвей на полотно
льняное свежей скатерти,
что выюга намела,
как нищему на паперти
садового крыла
с рождественскою щедростью
не от своих щедрот.

А я томился трезвостью –
домашний нищеброд.

Шёл человек, как по небу
на фоне снежных туч.
Деревья без исподнего
рассеивали луч
закатный. И садовые
заботы за окном,
как кулаки пудовые,
скрывались под сукном
казённым серых сумерек.
И в тишине окрест
закат висел на зуммере –

где дальний переезд.

А я томился скучностью
домашнего тепла.
Кошатину приблудную,
ту, что меня ждала,
чесал за ухом, сложное
считал, смотрел в окно
на железнодорожное
стальное полотно,
курил и крошки сбрасывал
табачные под стол...

– Шёл человек по насыпи.
Нёс телеграфный столб.

(Вышел месяц из тумана)

Уронил ножик в сугроб –
то ль петушок, то ли курица.

А вокруг оконцами хуторок
подслеповато щурится:

что ж ты ищешь тут под фонарём?
– между нами, между сапёрами –
потерять ножик – не стрём.
Стрём – искать его под заборами.

Что найдёшь под кустом ледяным? –
птенчика, вмёрзшего в гнёздышко?..

Широко стелется дым.
Высоко горит в небе звёздочка.

Олег Рахманин

Выпускник физического факультета

Окаянный Ганс

Королева! Я в восторге!
 Королева! Я пропал.
 Только Вы бесчинство оргий
 Превратили в пышный бал.
 Я в восторге, королева!
 Восхищенье тая,
 Тень – не тень от Вас налево,
 Сгусток мрака – это я.
 С золочёными усами,
 Бант, бинокль, эпатаж...
 Я сегодня рядом с Вами, –
 Вечный шут и вечный паж.

Блеск свечей в огромной зале.
 Ночь, отныне вечной будь.
 Петухам, чтоб не орали,
 Шеи я клянусь свернуть!
 Не просить, но быть красивой,
 За любимого страдать...
 Тяжкий труд – самой быть сильной,
 Души слабые прощать.
 Да, награды ждать нелепо,
 Всё пройдёт с началом дня.
 Вы устали, королева,
 Обопрitezь на меня.

Художник Софья Чуева

25 марта 2025 г.

Ярыж

Скульптурному жеребцу отеля «Яр»

Железный конь стальную балку
В оскаленных зажав зубах,
Вступает с веком в перепалку,
Презрев сомнения и страх.

Подвластный лишь небесным силам,
На перепутье двух эпох,
Извечным критикам унылым
Задорно отвечает: «Пох!»

Сверкая скрученным металлом,
И времени срываая бег,
Он верит: вместе с ним оралом
Поднимет зяби человек.

И будет благодатным труд
Во имя будущих свершений,
И зёрна светлых откровений
Надёжно в землю упадут.

Поднимутся густые всходы,
По сроку вызреют хлеба,
И вновь накормит все народы
Металла и земли борьба.

Сонет. Акростих

И. М.

Извечный спор добра и зла
Решить нельзя мечом кровавым. –
Идёшь путём, казалось, правым,
Но впереди глухая мгла...
А свет, сияя в вышине,
Мятежных душ не освещает...
Архангел на трубе играет
Мотивчик в полной тишине –
Анданте Страшного Суда... –
Его не тронет суета,
Возня и бестолочь земная, –
Армагеддон – и все дела!

...Дорога в ад стрелой легла,
А в рай ведёт тропа глухая...

Никита Рейзедов

Студент факультета романо-германской филологии

A Warlock

I met a Warlock by the pond!
He was consuming moss
Resting on his fairy wand
Wallowed in his thoughts!

Beyond my pleasure I did breach
His solemn Solitude of contemplation!
He glimpsed at me as if to preach,
But I saw – pure Devastation!

I fetched my hand – to share
The gown of Feelings that I wear
As well as he does in unfair
Sharpness Humans bear!

«You are not a Human – aren't you?»
«No, I'm not» – he did reply!
«I am – a Warlock, I won't bite you!
You seem to have an honest Eye!»

«A Warlock, darling! I am a being
Known as a Human, but
I carry weights of furnished Evil
That makes me Devil in the front!»

We lost the Heaven – found the door
To another World allotted
To the ones who eat the Gore
Of Fragility not clotted

A Warlock was the one to be
My Guide to sacred pyre!
We did invent our killing beauty,
'Tis soundless melody in choir!

We sat in silence, 'twas mournful day,
We stripped away our Lives by Minds
To be the dust – to not obey
Labels put on our Kinds!

Ольга Сергеева

Студентка филологического факультета

Трясогузка –
Маленькое сердечко.
Пугливым,
Невесомым движением жизни,
Пушинкой
Бежит торопливо
Прямо по листьям кувшинки
В зарослях речки.

Но трясогузка будто
Видит, что соразмерна
С красным горящим шаром,
Восходящим
Каждое утро
Над леденящим
Туманным паром.

До крохотной трясогузки
Точно есть дело шару,
Ведь солнце длится,
Пока эта птица
Отражает его глазами:

И солнце есть, пока греет птицу,
И птица есть, пока видит солнце.

Каждый раз на рассвете
В крошечном желтопёром тельце
Умещается целое солнце
И вместе с крохотным сердцем
Бьётся.

Мною в сердце холодной земли
Вбиты колышки.
А на кольях сидят воробыи,
Чистят пёрышки.

За меня тёмный лес в ночи
Громко молится,
Но не дышится богу в груди –
Только колется.

Годы выбелят мокрый платок
Светлым месяцем.

«Ничего, потерпи чуток:
Перемелется»

Безнадёжно горит черносливовый парус
Облаков заходящего солнца.
Лучше больше не ври: даже если останусь,
Ничего ко мне не вернётся.

Разговоров разорвана тонкая леска,
Фразы колким рассыпаны бисером.
От желанья в порыве наивности детской
Их собрать, – я прошу! – береги себя.

25 марта 2025 г.

Елена Смолицкая

Доцент кафедры финансового права ВГУ, кандидат юридических наук. Руководитель поэтического клуба «Левобережье»

убегу

Утеку от тебя, как песок через пальцы –
Ты меня не сумеешь свободы лишить.
Мы песчинки миров, наши души – скитальцы;
Нас способна держать лишь сердечная нить.

Потому ни замки, ни подарки-алмазы
Не удержат меня, если нити той нет.
И ни слёзы, ни мёд, ни расчётливый разум
Повлиять не сумеют на честный ответ.

Убегу – без обид – и открою дороги
И тебе, и себе – только в разных мирах.
Отпусти меня сам. Не удержат остроги,
Если манит мечта и отсутствует страх.

Пусть сердечная нить свяжет близкие души,
Пусть же каждый из нас повстречает в пути
Тех, кто может без слов сокровенное слушать,
С кем без лишних оков будешь дальше идти.

Художник Анна Федяева

Рябина

А жизнь моя богата на плоды,
Но только это всё плоды рябины –
Карминовы, румяны и горды,
Горьки, обильны и неповторимы.

Дышу, пою, люблю, пишу стихи –
И всё взахлёб, ничуть не сомневаясь.
Рябины ветки, как всегда, тихи,
Красноречиво смотрят, усмехаясь.

И что с того, коль жизнь идёт вперёд?
Плоды растащат страждущие птицы.
А жизнь танцует радугой, поёт
И прямо здесь вскипает и искрится.

Надежда Третьякова

Выпускница фармацевтического факультета ВГУ. Член Союза писателей России

Заживёт

Я вырастаю из этого тела,
Из собственной головы.
Такую улыбчивую и смелую
Уже не найдёте Вы,

Уже не стоять над речной теменю,
Птиц не кормить с руки.
Мне жаль одного – моего времени,
Канувшего у реки.
Не жаль поцелуев, не жаль объятий,
Оголения до души.
Не повернуть нашу реку вспять, и
Нам уже не ожить.

Вам остаётся мерять шагами
Город ночной и улицы.
Когда-то любовь приключится с Вами,
Когда-то мечты сбудутся.

А я вырастаю из этого тела,
Голову – на эшафот.

Знаете... Я просто любви хотела...
Когда-нибудь заживёт.

Кажется, что вода заполняет меня до краёв,
Кажется, мой огонь погаснуть вот-вот готов,
Белый больничный свет выел печаль Земли,
Кажется, больше нет ни глупости, ни любви.

Видимо, мы висим в похрустывающей тьме,
Белый больничный свет еле дрожит во мне,
Лампа под потолком охотится на мотылька.
Боль говорит со мной голосом старика

О том, что вода во мне – хрипящий старик и есть,
О том, что огонь извне в меня помещается весь,
Лампа горит, и свет сражается с мотыльком,
Ты смотришь, как я тянусь, чтоб коснуться тебя
рукой,

Чтоб пальцы мои прошли фалангами сквозь твой
мрак...
Старик замолкает во мне, он знает, что ты – дурак,
Карточный балагур, скрывающий в тишине
Попытки меня забыть, но помнящий обо мне.

А я вижу свет вокруг обгорелого мотылька.
Боль говорит: люби... Люби его, дурака...

25 марта 2025 г.

Февральское

Поражающий день, меняющий жизнь на раз!
Расстояние в месяц пройдено налегке.
Понимаешь ли ты, как прочно связало нас,
Как легко моим пальцам в крепкой твоей руке?

Мы по чёрной воде ступаем на белый лёд,
Меня за руку держит бездна, шагает в такт.
Сколько птиц! Сколько лиц! Земля замедляет ход,
И шагающий рядом чёрен, как та вода,

Так черна чернота – безмолвный обсидиан,
Запирает в себе заложницей твоих слов,
Твоё сердце молчит – бесчувственный истукан!
Но будет новый февраль. Ты будешь к нему готов.

Будут птицы лететь над сквером в закатный час,
Если снизу смотреть – похожие на людей.
А если мы полетим, кто будет смотреть на нас?
Если время погибнуть, то вот он – он – этот день...

До провала лишь шаг, но крепок февральский лёд.
Если руку отпустишь, всё кончится на земле.
И отныне для нас не случится второй восход.
Но будут звёзды в ладонях –
на память
о феврале...

Художник Арина Подосенова

То, что останется

Переиграть не получится.
Жизнь собирается
сложной мозаикой знаков,
Знаками зодиака,
Музыкой
в беспроводных наушниках,
Радостью в наших душах,
Слабостью
в утомлённом теле,
Мятой пустой постелью,
Мятой в остывшем чае,
Холодом
и сквозным отчаяньем,
Снегом в безликом окне,
Призывом:
иди ко мне.

Переиграть не получится.
Нет ни законов, ни правил.
Тот, кто себя оставил
когда-нибудь на потом,
Станет водой и льдом,
Остынет
в прощальной точке,
Сложит ладони лодочкой,
А в них – ни покоя, ни мудрости,
А только
ЛЮБОВЬ И ТРУСОСТЬ,
Только любовь
и песня
на повторе.
Итог известный.

Переиграть не получится.
Невыполнимый трюк.
Истинно говорю.

Алексей Ютишев

Участник поэтического клуба «Левобережье»

Звезда, которой я не вижу

Померкло всё. Горит фонарь.
Под фонарём кот шёрстку лижет.
Горит ещё, и не одна,
Звезда, которой я не вижу.

Смотрю на небо: пустота,
Как будто лес пожаром выжжен.
Но верю я, что где-то там
Звезда, которой я не вижу.

Её хранитель, небосвод,
Кому-то чужд, кому-то ближе.
Но место здесь всегда найдёт
Звезда, которой я не вижу.

Вот ты, кто мир недавно клял,
И ты, кто истиной обижен,
Ты, значит, тоже не видал
Звезды, которой я не вижу?

Обиды нас толкают жить,
Но виноватые они же.
И им просила не служить
Звезда, которой я не вижу.

Ей видно, как живём, зачем,
Людьми какие силы движут.
Звезда, которая в душе.
Звезда, которую я слышу.

Вьетнамская страничка

Воронежском университете всегда учились студенты из разных стран мира. Были и есть среди них и вьетнамцы. Многие из них выучивали русский язык так хорошо, что затем начинали писать на нём стихи, а это дорогое стоит!

В этом номере мы решили познакомить читателей с другой стороной нашей дружбы – с вьетнамской поэтической культурой. Два известных вьетнамских учёных – переводчики, подвижники культуры – любезно согласились рассказать о современной родной поэзии, о её истоках и особенностях.

Переводчик Ву Тхе Хой

Поэт Нгуен Зу

Ву Тхе Хой

Великий поэт Нгуен Зу и его гениальная поэма «Новые стихания истерзанной души»

Нет лучшего мостика дружбы и взаимопонимания между народами, чем литература и искусства.

Вьетнамцы постигают «тайную», разудалую и отзывчивую, русскую душу через проникновенные стихи Александра Пушкина, которые и в радостные, и в горестные времена помогали нам жить и любить и сражаться и побеждать. Мой младший коллега по факультету русского языка Ханойского Института иностранных языков (ныне Ханойского университета), как раз выпускник Воронежского университета, кандидат филологических наук и уникальный двуязычный поэт Ле Ван Нян, к сожалению, безвременно ушедший, хорошо выразил наши мысли и чувства о «Солнце русской поэзии»:

На войне до смерти было ближе,
чем до жизни; Пушкина читали мы –
Кто в окопах дымных,
Кто в застенках тьмы,
Вот свершилось чудо: многим выжить
Помогли мгновенья чудные Любви...

Вот почему, получив от уважаемого профессора Д. А. Чугунова любезное приглашение принять участие в традиционном Дне поэзии ВГУ, я решил для нашего первого знакомства представить всем вам великого поэта Нгуен Зу и его гениальную поэму «Новые стены истерзанной души», которую кратко обычно называют «Повестью о Киеу» – по имени центральной героини Тхюй Киеу.

У нас во Вьетнаме имена «Пушкин» и «Нгуен Зу» часто сопоставляют, иногда даже называют автора «Повести о Киеу» «вьетнамским Пушкиным». В 2020 г. в связи с 200-летием со дня кончины нашего национального гения на его родине в центральном Вьетнаме проводилась даже специальная научная конференция под девизом «Нгуен Зу и Пушкин – сходство и различие», где доклад пишущего эти строки «Татьяна Ларина – полузападная и полувосточная красавица Киеу» вызывал оживлённый интерес у присутствующих.

И в самом деле, в жизни и творчестве наших великих поэтов много общего. Как и А. С. Пушкин, Нгуен Зу (1765–1820) происходил из старинной знатной семьи, его отец даже был канцлером при дворе правителя Северного Вьетнама, великого князя Чинь. Получив каноническое конфуцианское образование, наш поэт служил сановником, занимая ряд важных должностей, в т.ч. и посольских. Однако, как и Пушкин, Нгуен Зу с детских лет питался богатыми традициями народного творчества: один – благодаря своей любимой няне, а другой – своей родной матери. Поэтому они оба прониклись гуманным духом и мудростью народа, его чаяниями правды, вольности и доброты с одной стороны, а с другой – глубоко прочувствовали его несчастную долю, его бедствия и страдания. Если вникнуть в корни, так именно на этой благодарной почве и зародились бессмертные шедевры Пушкина – «Евгений Онегин» и Нгуен Зу – «Новые стены истерзанной души».

Как обычно бывает в нашей классической литературе, «Новые стены истерзанной души» написаны на сюжет, заимствованный из китайского источника XVII века, но написаны на вьетнамском языке, старыми вьетнамскими иероглифами НОМ, вьетнамским народным стихотворным размером. Поэма повествует о юной одарённой красавице Тхюй Киеу, которая ради спасения оклеветанного отца и младшего брата от тюрьмы должна была нарушить обет верности своему любимому, продав себя в публичный дом, с чего началось 15 лет её хождений по мукам. Однако вопреки всем телесным и духовным истязаниям эта крупная женщина всякий раз стремилась отстоять, даже ценой своей жизни, свои человеческие достоинства, чистоту своей души. Благодаря этому в конце концов Тхюй Киеу обрела счастливую пристань в семье родной сестры, которую она когда-то на коленях попросила вместо себя выполнить данный любимому обет верности.

Корень добра кроется в самом нашем сердце
Чистота сердца потому в три раза
дороже красоты и таланта.

Таков философский вывод поэта из многострадальной жизни своей героини.

Памятник Нгуен Зу
в Музее-Заповеднике на его родине
в провинции Ха Тинь
центрального Вьетнама)

25 марта 2025 г.

Когда в феврале 2015 года в Российском Центре русской науки и культуре проходила презентация моего перевода «Повести о Киеу», русский админ сайта Нят-нам.ру Ирина Винковская поместила об этом событии краткую справку и попросила у меня разрешение разместить на своем сайте несколько отрывков. Я ответил: «Можете разместить “Free” весь мой перевод. Ведь я для русских читателей постарался» – и через своего друга, сотрудницу «Голоса Вьетнама», передал в дар ей книгу. Так что интересующихся прошу поискать там полный текст моего перевода верлибром, а для вашего альманаха, по любезному предложению глубокоуважаемого Дмитрия Александровича, ограничусь одним отрывком, который является завязкой всей этой волнующей истории.

Нгуен Зу

Весенняя прогулка

(Отрывок из поэмы «Повесть о Киеу»)

В весеннем небе, как ткацкие челноки, снуют ласточки,
Из девяноста весенних лазурных дней
уже шестьдесят прошло.
До самого горизонта стелется зелёная молодая трава,
На грушевых ветках точками белеют цветы.
Наступил в марте месяце сезон Тхань-минь,
Когда совершается
ритуал очищения от трав на могилах предков
и устраивается праздник хода по зелёной траве.
Отовсюду, как стаи ласточек и зарянок,
стекаются оживлённые толпы людей,
Сёстры из семьи Вьонг также наряжаются
на весеннюю прогулку.

Плавно шествуют красавцы и красавицы,
Нескончаемым потоком следуют конные повозки
с пассажирами в нарядных красочных платьях.

Поднимаются люди
на разбросанные беспорядочно на лугу
могильные холмы,
И падают на землю ритуальные бумажные плитки золота
да развеивается по ветру пепел бумажных денег.
Уже косыми лучами светит солнце, клоняющееся к западу,
И сёстры, взявшись за руки,
погруженные в думы,
возвращаются домой.

Шаг за шагом идут они по берегу ручейка
и взирают на зелёные просторы;
Играя волнами, вьётся по лугу весенний поток,
И через него, у каменного выступа, переброшен мостик.
Низкая-низкая у дорожки видна могилка,
Печально смотрится на ней трава,
бледно-жёлтая, бледно-зелёная.
И вымолвили сёстры: «Почему же сегодня
поминальный день сезона Тхань-минь,

А тут пустынно, ни одна благовонная палочка не дымит?»
Тогда заговорил Вyonг Куан,
поведав сёстрам всю историю
от начала до конца:

«Жила в ту пору девица, по имени Дам Тиен,
по ремеслу певичка из публичного дома.
Славилась она одно время и красотой, и талантом,
Неудивительно, что за воротами её покоев

шумно толпились посетители.
Известно, судьба красавиц обычно хрупка, мимолётна,
Так вот в расцвете своей весны
сломалась вдруг

эта веточка небесного аромата.

Жил в далёкой стороне один её поклонник,
Насыщен был о её славе и решил приехать её навестить.
Увы! Как только чёлн любви причалил к пристани любви,
Узнал он, что переломилась уже шпилька, разбилась ваза.
В её покоях воцарились холод и тишина,
Следы от конных колясок заросли зелёным мхом.
Причитал громко поклонник,
без конца рассказывая о своей любви:
«Не суждено нам с тобой соединиться.
Если судьба не одарила нас счастьем в этой жизни,
Так позволь сделать какой-нибудь малый залог

для свидания в следующей».

Приобрёл он гроб из ценной породы дерева,
нанял похоронную карету с расшитой жемчугом занавеской,
Могилу для неё в этом бренном мире возвёл,
Да бросил без присмотра, вот и заросла сорняком.

25 марта 2025 г.

Прошло уж сколько восходов и заходов солнца и луны,
И некому навещать и плакать над могилой
лишённой семьи певички».

Какая сострадательная душа у Киеу!
Едва дослушав до конца печальную историю,

залилась она горькими слезами:

«Какая горькая доля у всех женщин!

Слова “несчастливая судьба” сказаны обо всех нас.

За что так жесток к нам Всевышний Творец?

Почему обрекает Он нас
на томительное существование в вешние годы
и скорое увядание на склоне лет?

Вот какая она: при жизни пришлось служить
женой всех встречных,
А после смерти, по иронии судьбы стала в загробном мире
одиноким призраком.

Где же те, кто ложился в обнимку с тобой в постель?

Где же те, кто жаждал твоих прелестей и лелеял твою красоту?

Так как никто уже не оглядывается на тебя,
не посмотрит тебе вовсю, никто и словом тебя не помянет,

Я воскурю тебе несколько благовонных палочек.

Хоть и встретились мы лишь случайно, у дорожки,

Может быть, когда буду уже в подземном царстве, ты оценишь мою доброту».

Киеу то тихо, то громко шептала молитву и молилась,

Затем колени преклонила, возложила пучок трав на могилу и поднялась.

Кругом трава уже пожелтела под лучами заходящего солнца,

Подул лёгкий ветерок и зашевелил верхушки камышей.

Вынула Киеу из своей причёски шпильку

И нацарапала на коре дерева четверостишие с тремя рифмами.

От этого переживания она будто забылась в полусне,

Безмолвно стояла, задумавшись, и ни на шаг не могла отойти.

Красивое лицо её еще больше опечалилось,

Рыдания её душили, слезы лились ручьём.

Тут Ван сказала: «Мне смешно глядеть на тебя, сестра,

Хватит у тебя слез оплакивать человека былых времен!»

Киеу откликнулась: «С тысячелетней древности

Несчастливая женская судьба никого не миновала.

Сердцу больно, как только представишь себе, что произошло с ней.

Вижу её лежащей здесь и думаю: что же нас ожидает впереди?»

Тут Вyonг Куан воскликнул:

«Как ты странно рассуждаешь, сестра!

Неприятно слышать: какое слово ты ни скажешь,

без всяких оснований приписываешь его своей участи.

Здесь все место пропитано тяжёлым мертвецким духом,

День давно клонится к закату, а обратный путь далек».

Киеу продолжила: «У одарённых людей

Только тело превращается в прах, а дух продолжает существовать.

Нередко созвучные души откликаются друг другу,

Подождите немного: ОНА сейчас явится нам».

На эти слова старшей Киеу ещё не успели ответить,

Как поднялся сильный порыв ветра и пронёсся вихрем.
 С шумом срывались молодые листья и почки, закачались деревья,
 Однако все же улавливался ветре какой-то аромат.
 Глядят сестры и брат вслед пробежавшему по лугу ветру,
 И видят они отчёлывые следы туфель на мху.
 Ужас появился у всех на лице,
 Киеу воскликнула: «Вот на зов моей искренней души
 ОНА отозвалась,
 Питая друг к другу взаимную любовь, потому и встретились мы.
 Мы с ней родные сестры, несмотря на то, что существуем
 в разных мирах – я в этом, явном, а ОНА в том, сокрытом».
 Так как Дам Тиен по зову сердца явилась на встречу,
 То Киеу в благодарность решила посвятить ей несколько стихов.
 Её поэтическую душу охватила волна
 взволнованных чувств,
 И она старым слогом начертала
 на коре ближайшего дерева целое стихотворение.

Нгуен Ван Чиен

Современная вьетнамская поэзия и поэзия студентов

Современная вьетнамская поэзия имеет множество богатых и разнообразных характеристик, отражающих трансформацию общества, творческого мышления и души вьетнамского народа в современную эпоху. Некоторые выдающиеся характеристики проявляются во многих аспектах.

Прежде всего, это инновации в контенте. Современная поэзия больше фокусируется на социальных проблемах, людях и личных перспективах. Часто исследуются такие темы, как состояние человека, окружающая среда, любовь, семья и международная интеграция.

Современная поэзия выделяется своим прорывом в форме. Основной тенденцией стала свободная поэзия, больше не связанная строгими правилами и рифмами, как традиционная поэзия. Поэты используют разнообразные формы, сочетая поэзию с музыкой, живописью или перформансом для передачи сообщений.

Современная поэзия отличается простым и запоминающимся языком. Это ясно видно по элементам смысла и значения. Поэтический язык не слишком изощрён, стремится к простоте и близости, но всё же глубок по мысли. Поэты используют игру слов, символику и образы для создания сильных эмоций.

В способе выражения человеческих эмоций есть очень примечательная особенность – персонализация и повествование, поскольку современная поэзия подчёркивает личную роль, переживания и эмоции автора. Повествование в поэзии помогает читателям легко сопререживать и относиться к себе.

Именно международный обмен в средствах массовой информации, а также перевод и публикация зарубежных литературных произведений показывают, что влияние международной интеграции очень сильно. Современная вьетнамская поэзия находится под влиянием мировых литературных движений, таких как модерн, постмодернизм и сюрреализм. Многие работы демонстрируют связь традиционной культуры с тенденциями глобализации.

Пожалуй, каждый вьетнамец в своей жизни писал стихи. Поэтому вьетнамские студенты часто читают и пишут стихи в университетах. То же самое происходит и в Ханойском университете.

25 марта 2025 г.

Что касается тенденций чтения стихов, то сегодняшние студенты получают доступ к поэзии во многих формах: от традиционных книг и газет до онлайн-платформ, таких как социальные сети и личные блоги. Они любят произведения, близкие к жизни, простые для понимания, но при этом обладающие глубиной мысли. Такие авторы, как Нгуен Куанг Тьеу, Май Ван Фан, Ви Туи Линь, Фан Хуен Тху, Ли Хоанг Ли, Ван Кам Хай, Нгуен Хуу Хонг Минь, Ле Винь Тай, Нгуен Винь Тьен, Чыонг Ке Чи, Нгуен Фонг Вьет, Нгуен Тьен Нган... или стихи, распространяемые в социальных сетях, часто пользуются популярностью.

Студенты не только читают стихи, они также часто пишут стихи, потому что это прямой и романтический способ самовыражения. Написание стихов становится для студентов способом выразить свои личные чувства, мысли и точки зрения. Они часто пишут стихи в краткой форме или вольные стихи, чтобы их можно было легко разместить на онлайн-платформах. Разнообразные темы для написания: любовь, академическое давление, социальные проблемы и повседневные истории.

Во многих университетах Вьетнама, в том числе в Ханойском университете, для студентов есть площадки для поэзии. Университеты часто организуют поэтические клубы или литературные конкурсы, создавая возможности для общения студентов и развития их талантов. Многие молодые студенты также сочиняют и публикуют стихи через бесплатные платформы, охватывая большое количество молодых читателей.

Таким образом, современная вьетнамская поэзия и интерес студентов к поэзии являются свидетельством живости, творчества и богатства современной литературной жизни. Поэзия – это не только место сохранения культурных ценностей, но и мост, соединяющий новые поколения, эмоции и мышление.

Nguyễn Sa

Nguyễn Sa (1932–1998), tên thật là Trần Bích Lan, còn có bút danh Hư Trúc. Ông là một nhà thơ lãng mạn Việt Nam nổi tiếng từ thập niên 1950, với những tác phẩm nổi danh như "Áo lụa Hà Đông", "Paris có gì lạ không em", "Tuổi mười ba", "Tháng sáu trời mưa", "Hư ảo trăng".

Áo lụa Hà Đông

Nắng Sài Gòn anh đi mà chợt mát
Bởi vì em mặc áo lụa Hà Đông
Anh vẫn yêu màu áo ấy vô cùng
Thơ của anh vẫn còn nguyên lụa trắng

Anh vẫn nhớ em ngồi đây tóc ngắn
Mà mùa thu dài lắm ở chung quanh
Linh hồn anh vội vã về chân dung
Bày vội vã vào trong hồn mở cửa

Gặp một bữa anh đã mừng một bữa
Gặp hai hôm thành nhị hỉ của tâm hồn
Thơ học trò anh chất lại thành non
Và đôi mắt ngất ngây thành chất rượu

Em không nói đã nghe lừng giai điệu
Em chưa nhìn mà đã rộng trời xanh
Anh đã trông lên bằng đôi mắt chung tình
Với tay trắng em vào thơ diễm tuyệt

Em chợt đến, chợt đi, anh vẫn biết
Trời chợt mưa, chợt nắng chẳng vì đâu
Nhưng sao đi mà không bảo gì nhau
Để anh gọi, tiếng thơ buồn vọng lại

Để anh giận mắt anh nhìn vụng dại
Giận thơ anh đã nói chẳng nên lời
Em đi rồi, sám hối chạy trên môi
Những ngày tháng trên vai buồn bỗng nặng

Em ở đâu, hời mùa thu tóc ngắn
Giữ hộ anh màu áo lụa Hà Đông
Anh vẫn yêu màu áo ấy vô cùng
Giữ hộ anh bài thơ tình lụa trắng

Нгуен Са

Нгуен Са (1932–1998), настоящее имя – Чан Бич Лан, псевдоним – Ху Трук. Он – известный вьетнамский поэт-романтик с 1950-х годов, автор таких известных произведений, как «Шелковая рубашка Ха Донг», «Разве Париж не странный», «Тринадцать лет», «В июне идет дождь», «Иллюзорная луна».

Шелковая рубашка, сотканная в Хадонге

В Сайгоне солнечно и вдруг стало прохладно
Потому что ты носишь шёлковую рубашку, сотканную в Хадонге.
Мне до сих пор очень нравится этот цвет рубашки
Моя поэзия все ещё нетронута белым шёлком

Я до сих пор помню, как ты сидела здесь с короткими волосами.
Но осень здесь очень длинная
Моя душа наспех нарисовала портрет
Что отображается торопливо в душе, открывающую дверь

Увидев тебя однажды, я был счастлив
Двойная встреча – двойная радость души
Поэзия студенческих лет свалилась в кучу
И мои восторженные глаза превратились в алкоголь

Ты не говорила, но я услышал мелодию
Ты ещё не посмотрела, но небо широко раскрыто
Я посмотрел преданными глазами
Одним лишь сердцем я привёл тебя в прекрасную поэзию

Ты вдруг придёшь, вдруг уйдёшь, я всё ещё знаю
Внезапно пошёл дождь, вдруг без причины стало солнечно
Но зачем уходить, ничего не сказав друг другу?
Ты сделала это, поэтому я позвонил, – отозвался печальный поэтический голос.

Меня злит и глаза выглядят неловко
От гнева мои стихи потеряли дар речи
Ты ушла, раскаяние течет на моих губах
Печальные дни на моих плечах внезапно кажутся тяжелыми

Шёлковое платье Ха-Донга

Сайгонский зной вдруг прохладой одарил,
Хадонгский шёлк на тебе его сменил.
Тот белый цвет я в душе хранил всегда,
В стихах моих он сияет, как звезда.
Я помню день: ты сидела, локон стрижен.
А осень длинной тенью легла на крышу.
Мой дух спешил твой портрет нарисовать,
И в сердце дверь, чтоб впустить его, сорвать.
Лишь раз тебя увидел – счастье было.
Второй раз встреча душу подарила.
И горы строк сложил я юный вмиг,
А твой взгляд стал опьяняющим глотком.
Ты молчала, но звучали гимны.
Ты не смотрела, но небо стало синим.

Я же смотрел – любовь в глазах горела,
Своей рукой стихи творя тебе.
Ты пришла, как вдруг светила заря,
Ты ушла, как дождь вмиг сменился на зной.
Почему же ты молча рассталась со мной?
Только эхо тоски, лишь мой зов без ответа.
Я в сердцах, и глаза глядят неумело,
Я в стихах своих слов не могу обрести.
Ты ушла, на губах – раскаяний пути,
А дни прошлые грузом тоски тяжелеют.
Где же ты, о осень с короткой косою?
Храни для меня тот цвет шелка Ха-Донг,
Я люблю его нежность, глубины поклон,
Храни для меня стих о любви белоснежной.

Trương Anh Tú

Nhà thơ Trương Anh Tú sinh ra ở Việt Nam và đang định cư ở Đức. Anh đã cho ra đời hơn 100 bài thơ được đăng tải trên các báo và tạp chí lớn trong nước. Trong đó, tập thơ Những mùa hoa anh nói đã có mặt tại ít nhất ba thư viện trong các trường đại học tại Mỹ. Tập thơ Hoa ban mai có mặt tại Thư viện Quốc gia Ba Lan và thư viện nhiều trường đại học ở Ba Lan.

HẠT CHỮ

Tôi gieo một hạt chữ
một hạt mầm mùa xuân
trên cánh đồng giấy trắng
một ban mai trong ngắn.
Tôi gieo một hạt cười
trong biển đời hy vọng
tôi gieo một hạt ngọc
từ bàn tay lấm lem.
Tôi gieo một hạt sen
mọc trong đời bể khổ
một hạt nào thương nhớ
tôi gieo vào mắt em.
Tôi gieo một hạt tôi
trong lặng im hạt thóc
một hạt cùng bao hạt

tôi gieo tôi tháng ngày.
Tôi gieo một hạt say
ngát hương trong hạt đất
hạt nào cho hoa nở
hạt nào cùng trời xanh.
Tôi gieo hạt an lành
trong bao la hạt nắng
một hạt sương thầm lặng
thành mây bay bao giờ.
Tôi gieo một hạt thơ
cùng bao nhiêu hạt chữ
trên cánh đồng giấy trắng
viết giấc mơ con người.
Trên cánh đồng giấy trắng
Viết tình yêu con người.

Чыонг Ань Ту

Поэт Чыонг Ань Ту родился во Вьетнаме и сейчас проживает в Германии. Он написал более 100 стихотворений, опубликованных в крупнейших газетах и журналах страны. Среди них сборник стихов «Мои цветочные сезоны» доступен как минимум в трех библиотеках университетов США. Сборник стихов «Утренние цветы» доступен в Польской национальной библиотеке и во многих университетских библиотеках Польши.

Семя слова

Я сею семя слов
семя весны
на поле белой бумаги
ясный рассвет.
Я сею семя смеха
в море жизненной надежды
Я сею семя жемчуга
из грязной руки.
Я сею семя лотоса
растущее в море страдания
семя тоски
Я сею в твоих глазах.
Я сею семя себя
в тишине зерна риса
семя со многими семенами
Я сею себя день за днем.
Я сею семя опьянения
благоухающее в зерне почвы
семя, которое цветет
семя с голубым небом.
Я сею семя мира
в необъятности зерна солнечного света
тихая роса
которая становится облаком и улетает.
Я сею семя поэзии
вместе со многими семенами слов
на поле белой бумаги
пишу мечту человечества.
На поле белой бумаги пишу любовь к человечеству.

Семечко слова

Я сею семечко буквы,
Весны росток молодой,
На поле листа белого,
В прозрачный утренний зной.
Я сею семечко смеха,
В море надежд, в жизни пыл,
Я сею жемчужное зёрнышко,
Рукой, что трудом покрыта была.
Я сею семечко лотоса,
В океане бедствий земных,
Зерно воспоминаний нежных
Я бросаю в твой взгляд родной.
Я сею семечко себя
В тишине зерна простого.
Среди множества дней и мгновений
Я сею себя в свою жизнь.
Я бросаю семя мечты,
В ароматную землю вселяю,
Семя – цветок пусть расцветёт,
Семя – к небу путь открывает.
Я бросаю семя добра
В простор солнечного света,
Семя росы – тихо оно
В облаке станет где-то.
Я бросаю семя стиха,
С буквой каждую строку,
На белом поле бумаги
Пишу мечту о людях.
На белом поле бумаги
Любовь к людям в сердце пишу.

Македонская страничка

Выпускница филологического факультета Елена Обухова сейчас живёт и трудится в Македонии. Её деятельность напрямую связана с культурой. Елена любезно согласилась познакомить читателей альманаха с современной македонской поэзией.

Весна Алексова-Стойковска

Родилась в 1967 году в Скопье.

Она получила высшее образование и окончила магистратуру на юридическом факультете им. Юстиниана Первого при университете им. Св. Кирилла и Мефодия в Скопье.

Пишет поэзию и прозу с семи лет.

Главная тема её поэзии – универсальные человеческие эмоции, а также таинственная реальность, называемая жизнью.

Предмет её интересов – психология и искусство во всех его формах.

Размислувања

Ништо не знаем за животот.
А треба да се однесуваме
како да знаем сè.

Кои сме,
што сме,
зашто сме?
Дали сме звездени сенки,
шепот на енергија невидлива,
или сјај на божествената светлина?

Колку сме големи
кога се гледаме во огледало,
а колку сме мали
во окото на небото.

И колку сме силни
кога сме среќни,
а колку сме ситни
кога сме здробени од тага.

Можеби сме микрокосмос.
Микро е, ама космос е.
Непрегледен простор
за истражување.

Паметен е тој што ќе се препознае,
мудар е оној што ќе се дознае.
И среќен е тој што ќе го открие
на земјата рајот свој.

Размышления

Ничего о жизни мы не знаем.
А должны вести себя, как будто
Знаем в совершенстве целый мир.

Кто мы,
Какие мы,
Зачем мы?
Может быть, с тобой мы тени звёздные,
Шёпот энергии невидимой,
Иль сияние божественного света?

Как мы велики,
Когда смотрим в зеркало,
А как мы малы
Пред небесным оком.

И как мы сильны,
Когда мы счастливы
А как мы малы,
Когда разбиты печалью.

Может, мы микрокосмос.
Микро, но все же космос.
Необозримый простор
Для исследований.

Тот умён, кто себя узнаёт,
Мудрый – тот, кто себя поймёт.
А счастливый – тот, кто откроет
На земле свой собственный рай.

Разговор

Блесокот на светлината
застана на стеблото на дрвото,
и го праша
дали може на него да се одмори.

- Зарем светлината
може да се измори? -
ја праша дрвото.
- Зарем не си безвременска?
- Заскитав, - му одговори таа
- Бев и таму каде што не ме видоа.

Старото дрво се замисли,
па рече:
- Јас сум како животот,
може да ме одминат,
ама не може да не ме забележат.
А ти,
ти си како среќата,
ако замижат,
може и да не те видат.

Разговор

Солнечный зайчик
Присел на ствол дерева
И спросил его,
Может ли на нём отдохнуть.

- Разве свет
устаёт? -
спросило его дерево.
- Разве ты не вечен?
- Я запутал, - ответил луч,
- Был и там, где меня не видели.

Подумало старое дерево
и сказало:
- Я как жизнь,
Мимо меня могут пройти,
Но не могут меня не заметить.
А ты,
ты как счастье,
если зажмуриться,
можно тебя не увидеть.

Виолетка Карпузовска

РОДЕНДЕНСКА

На Аспасија

На нашата драга Аспасија
Со името, судбата како да и била одредена
Само севишните сили ја с п а с и ј а
При голготата за беломорскиот народ наредена
Од родниот Оровник – леринско
Босонога, мала, нејака и слаба
Од родителски прегратки отргната
Фрлена во челуста на неизвесноста
Со куп деца бегалци, прогонети во непознат правец
На првата попатна станица во Унгарија стаса
Со помош на Организацијата на Црвениот крст
Повторно под родителски закрила се најде
И никогаш веке за неа сонцето не зајде
Патеката на животот ја однесе
Во далечниот Советски Сојуз
Таму ги помина младешките 10 лета
А потоа во Варна – Бугарија одлета
И оформи свое семејно гнездо
Со момче од нејзимиот роден крај

25 марта 2025 г.

Ќеркичките Венета и Сузана
 Беа круна на нивната среќа
 Со непоматен и полн сјај
 Изминаа уште 17 убави лета
 Но копнежот во срцето за грутката родна
 Ја натера неуморно да продолжи да лета
 И најблиску што можеше, во Скопје слета

И еве тука, на среќа нејзина и наша
 Живее и работи веке 30-тина лета
 Со медицинските знаења, темелно
 Поткована во Русија и Бугарија,
 Го даде својот несебичен придонес
 Помогна многу деца да дојдат на свет
 И хуманоста ја продолжи со несопирлив лет
 Ги учете здрави да летаат од цвет на цвет.

Неуморната, чесна и одговорна работа
 Јо однесе во очекуема и заслужна пензија,
 Уживајќи во благодетите на слободното време
 Крстари по убавините на Македонија без тензија,
 Од врвот на Водно сака да го гушне сиот свет,
 Но најмногу од се, сака со нов лет,
 Да се спушти на Преспа, од другата страна.
 На родната грутка во Оровник драг,
 И тогаш до нема никаква пречка ни брана.
 Да стапне на татковиот мил праг.

Драга Аспасија наша,
 Ние «Славјанките» твои
 На денешниов голем ден
 На твојот роденден
 Сите сме овде збрани
 Со најубави желби одбрани
 Во огромна китна врека
 За твојата безмерна среќа
 Нека продолжи твојот лет
 Во посакуваниот, волшебен свет

Комментарий: стихотворение посвящено женщине, которая ребенком оказалась жертвой произошедшего в Греции террора по отношению к македонскому населению. Дети были высланы из страны, и Аспасия нашла своего отца только через 17 лет.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Аспасии

Нашей дорогой Аспасии
 Имя будто судьбу определило
 Только всевышние силы спасли ее
 Во время голгофы, беломорскому народу определённой
 Из родного Оровника – леринской области
 Босоногая, маленькая и слабая
 Из родительских объятий вырванная
 Брошенная в пасть неизвестности
 С кучкой детей-беженцев, которых гнали неизвестно куда,
 На первой станции попутной отправилась в Венгрию
 при помощи Красного креста.
 Снова оказалась под родительским крылом
 И всю жизнь долгую помнит о том.
 Жизненный путь ее отнес
 В далёкий Советский Союз.
 Там провела она молодость – 10 лет,
 А потом полетела в Варну-Болгарию – другой свет.
 Там семейное гнездо свила
 С парнем из её родного края
 Дочки Венета и Сузана
 Стали венцом их счастья.
 В сиянии полном
 ещё 17 лет прошли
 Но тоска в сердце по краю родному
 Заставили ее продолжить полет,
 И спустилась она так близко, как сумела,
 В столицу нашу – Скопье – прилетела.

И здесь, на счастье её и наше
 Живёт и работает уже 30 лет
 С медицинскими знаниями,
 Подкованная в России и в Болгарии.
 Сделала свой вклад
 Помогала многим детям прийти на свет
 И гуманность помогла, её полет
 Учила детей в их фантазиях летать с цветка на цветок.

Честная работа, до седьмого пота
 Отправили её на заслуженную пенсию,
 Пользуясь свободным временем
 Путешествует по македонским красотам без волнений,
 С вершины Водно хочет весь мир обнять,
 Но больше всего, о новом полете мечтает
 Опуститься на Преспе, на другой стороне,
 На земле родной, увидеть Оровник дорогой,
 И без всяких препятствий ступить.
 На милый отцов порог.

25 марта 2025 г.

Костески Григор

Живот

16.11.2024 Арбино

Се рага без грев, а зошто плаче?
Душата од воздухот ја прима?!
За храна, три пати на ден – потешко...
Секоја тишка полесно се снаогъа...

Светот човечки убав, лукав и грозен
Го проучува трпеливо, интуиција има
И трето око, и струја и мок и дар
Сила и трпенje, но се му се одзема
хендикеп...

За вишнеенje, искуство отпорано има
Дали од папка, дали од птица некоја или црв,
Некој оди ко маймун, некој како крт,
Некој одма на две и зборува порано.

И Иисус проповедник на дванаесет, чудо дете,
Но светот сака послушни, го чекаа – го распнаа.
Плаче рама и денес посилно се рони земјата

Одвлекувачи се во Лондон, богомолците насекаде!
Затоа Византijија остана сама. Ја ловат...
Макавеите ги забраниjа, и наша Македонија, маркетинг
И хибридна кибер братоубийствена война

Помина векот...
Ене го, сега векье не греши,
Той живее по духот лесен и мирен
Под научен за творештво повисоко
Го гледа творцеотот ододве и сега има вечност!

Не греши, значи е од Бога
Не оди по духот на страстите, Телото е само
Можеби се спрема за смртта.

Нема болка при разделбата,
Ако е спремен.

Жизнь

16.11.2024, село Арбино

Рождается без греха, а плачет почему?
Из воздуха берет он душу?
Чтоб есть, три раза в день – непросто...
Птицы с этим куда лучше справляются....

Свет человеческий хороший, лукав и грозен,
Изучает его терпеливо, на что интуиция,
Третий глаз, электричество, мощь и дар,
Но все у него забирает немощь...

Ввысь подниматься, есть опыт издавна в том,
Из лапы зверя, из птицы или червя,
Кто-то скачет обезьянкой, кто-то ползет кротом,
Кто-то сразу на двух ногах, и раньше всех говоря.

И Иисус – проповедник среди двенадцати, чудо-дитя
Но миру нужны послушные, его ждали – его распяли.
Плачет рама сейчас, и сильнее сползает земля.

Отвлекающие в Лондоне, богомольцы повсюду!
Потому Византия осталась одна. Ее ловят...
Макавеи запрещены, и наша Македония тоже, маркетинг
И гибридная кибер-братоубийственная война.

Век прошёл...
Вот он, уж больше он не грешит,
Он живёт своим духом, лёгким и мирным,
Научился высокому творчеству,
Видит отсюда Творца, и сейчас у него есть уж вечность!

Не грешит, значит, от Бога
Не идёт он за духом страстей,
Видно, тело само
К смерти готовится.

При прощании нет больше боли,
Если к нему ты готов.

25 марта 2025 г.

Из воспоминаний

Владимир Воронин

ПОРТРЕТ ПОЭТА АНТИПОВА В ЮНОСТИ

В студенческие годы одним из моих ближайших друзей был организатор концертов геолог Ваня. Притом нам не мешало то, что мы учились на разных факультетах, наоборот, благодаря Ивану люди разных специальностей устанавливали между собой связи и поддерживали отношения. Юриста Андрея Евдокимова, писавшего под псевдонимом «Антипов», Ваня обвинял в «лицемерии». Он жаловался: «Недавно Андрей присыпает мне СМС: «Хой-хой-хой, я на научной конференции в Москве!» Ну не конформист ли?».

«Хой» – это не псевдоним лидера «Сектора Газа» и не эвфемизм матерного ругательства, а специальное слово, которое панки в России используют в качестве приветствия. И, надо сказать, что Евдокимов действительно совмещал усердную учёбу и занятия наукой с увлечением неформальным и нонконформистским творчеством.

Андрей не оставался в долгу. «Эх, Ванька – идеалист, я таких не люблю!» – говорил он об Иване. А Дмитрия Гендина он подкалывал ещё более жёстко. Гендин предлагал: «Давайте двигать идеи в массы!»

«Ничего не знаю про идеи. Предлагаю лучше двинуть каловые массы!», – язвительно откликнулся Антипов.

Одна из первых встреч с Андреем состоялась в 4-м лицее. У обоих нас однокурсники заканчивали эту школу. Евдокимов читал доклад о постмодернизме иничтоже сумняшеся вышел выступать, держа в руке книгу филолога Затонского, некоторые фрагменты которой он, не надеясь на память, зачитал. Интересно, что, когда Андрей давал концерт на осеннем фестивале в ВГУ, он также вышел на сцену с книгой, теперь уже не Затонского, а самого Фридриха Ницше... И зачитывал он оттуда не эффектные афоризмы, а нечто нудное, едва ли не параграфы...

А тогда, на «Осеннем балу», выступление Андрея запомнилось всем кавер-версией советской песни «Звенит январская выюга», сыгранной в тяжёлом звуке. Тогда у всех на слуху был альбом «Звездопад» «Гражданской обороны», давший пример эксцентричного и экспрессивного исполнения советского наследия. Вот и Антипов двигался в этом ключе.

Насколько мне известно, Антипов начинал со стихов, а не с песен, но потом долгое время, практически всю раннюю юность, писал именно песни. Новые стихотворения начали появляться в годы аспирантуры, на рубеже 2000-2010-х гг., причём многое было навеяно философией Ницше – абстрактными понятиями, которые превратились в символы и мифы. В стихах Андрея то и дело упоминались «становление», «бытие» и «ничто», «воля к власти» и «сверхчеловек». Но тексты становились все объёмнее и тоньше.

Тему соотношения стихов и песен я затрагиваю не саму по себе, а в связи с темой сложности и простоты. За счёт занятия роком Андрей как бы себя примитивизировал, хотя он мог и мыслить, и писать сложнее.

Одновременно с появлением его новых стихов, как нарочно, возникли новые фестивали и конкурсы: «Стихоборье», «Бунинский бал», которыми занимались Матыцин и Сапелкин. Он отметился на этих мероприятиях, причём выступал в очень театральном стиле, с упором на «подачу», которой научился за годы рока.

Привлекательными в Евдокимове-Антипове были некое глубокомыслие, концентрация мысли, которые отражались в его стихах. В них мало внешних примет, только мысли.

О модных тогда Пелевине и Сорокине он скромно замечал, что это недостаточно масштабные писатели. Отталкивающими могли показаться демонстративное пренебрежение идеями, включая расхожие политические идеологии, и склонность к крепким выражениям

вплоть до ненормативной лексики. Неприятие энтузиазма и брутальный суровый стиль выступают обычно признаками не столько юноши, сколько взрослого мужчины, и Евдокимов действительно неоднократно признавался: «Я рано повзрослел, или даже рано постарел».

Ходили слухи, что Андрей был авторитетом среди липецких рокеров, но загвоздка в том, что в двухтысячных годах рок-сообщество в Липецке было куда менее развитым, чем в Воронеже, так что надо было судить именно по Воронежу. Как бы то ни было, стихи Андрея были известны не столько среди поэтов и рокеров, сколько в компании его друзей, причём не только с юрфака, но с разных факультетов. Психологически есть определённая разница между участником творческого сообщества, в просторечии – «тусовки», и тем, кто выступает в роли «своего поэта» для друзей, которые сами ничего не пишут.

И, как бы то ни было, эти стихи могли послужить иллюстрациями к этапам развития его мировоззрения. Одновременно раздосадованные эпатажем друзья обвиняли Андрея в том, что никакого развития и нет, что он «зациклился». Трудно сказать, были ли они правы, и вообще это трудная задача – оценивать не людей младше себя, а сверстников, с которыми вы развиваетесь одновременно. На младших курсах Антипов увлекался постмодернизмом, который он понимал не как эклектичную игру, а как состояние, в котором у общества отсутствуют цели. Все это носило оттенок «последнего писка моды». На старших курсах Антипов освоил уже не только соседние по времени и самые актуальные идеи, но и таких мыслителей, как Шопенгауэр и Ницше, Хайдеггер и Сартр. Как было сказано у Ницше: «Пустыня растет», – и Андрей расширил свой нигилизм не просто на общество или искусство, но стал писать о бессмыслинности всего бытия и часто упоминать в своих стихах смерть.

Параллельно он занимался методологией науки, и приходил к тем же выводам, что и в области политики и искусства: общественных целей нет, смысла жизни нет, точного научного метода также нет. Как-то я спросил у него: «Ты что, не считаешь философию наукой?!» Андрей тут же откликнулся: «Я даже не считаю науку наукой», – то есть подлинное познание он считал для человека недоступным. Как ни странно, его настроения находили отклик у верующих: крайности совпадают, и его скепсис нравился православным традиционалистам. «Антипов показывает мир без долженствования», «Антипов юродствует и проповедует отказ от гордыни», – считали они.

Живая жизнь

Литературная гостиная Надежды Третьяковой

Тепло приветствую читателей любимого всеми альманаха «День поэзии ВГУ»!

В преддверии наступающего праздника хочу рассказать о некоторых литературных проектах, которые объединяют поэтов нашего города, независимо от их творческого опыта, возраста, взглядов, регалий и принадлежности к тем или иным писательским союзам.

Весной 2024 года обсуждали с Джабраилом Яхъяевым, организатором сообщества «Поэты Воронежа», возможности воссоздания поэтических творческих вечеров, которые в доковидную пору периодически проходили на площадках нашего города. В рамках «Поэтов Воронежа» уже проводятся разные мероприятия: это и поэтические прогулки, и интересный, помогающий начинающим авторам нащупать свой поэтический путь проект «Несеминары», где четверо поэтов (Константин Зайцев, Дарья Князева, Антон Шамраев и я) разбирают чужие стихи и делятся своим опытом с теми, кому нужны такие подсказки.

И по итогу нашей беседы с Джабраилом было принято решение возобновить ещё и проведение творческих поэтических вечеров. Я стала куратором этого процесса, и в июне 2024 года идея получила своё воплощение в проекте, который теперь, по прошествии некоторого времени, носит название «Литературная гостиная Третьяковой». На ежемесячной основе я приглашаю троих воронежских поэтов и музыкантов, которые делятся своим творчеством с нашими гостями, и, благодаря этому взаимодействию, на сцене происходит синтез поэзии, музыки и внимания зрителей, и рождается что-то новое, гипнотическое, привлекающее одновременно и новизной, и чем-то давно знакомым и близким каждому.

За прошедшее время у меня выступали такие авторы, как Оксана Лесовик, Елена Шилова, Ольга Олейник, Дарья Князева, Екатерина Макушина, Илья Подопросветов, Алексей Бондарев, Дмитрий Пашетных, Елена Соловьёва, Константин Зайцев, Виталий Чернявский, Анна Ковалёва, Мария Соколовская, Василий Нацентов, Иван Белоусов и другие.

Хочу выразить огромную благодарность Арт Центру ЦКС (О. Дундича, 11) за предоставленную площадку для выступлений и уютную атмосферу, и персонально Максиму Семёнову, Андрею Апаркину и Александру Петренко.

Следите за нами в сообществе «Поэты Воронежа», приходите в Литературную гостиную Третьяковой, у нас магия поэзии и музыки заставляют оживать в душе давно забытое, дарят эстетическое наслаждение, да и просто хорошее настроение!

Надежда Третьякова

25 марта 2025 г.

Содержание

О поэзии	3	Ольга Червинская	41
Толкование обложки.		Дмитрий Чугунов	42
«Живая поэзия. Мир знаков».....			
Флейта водосточных труб.....		4	44
Алексей Бондарев	7	Виктория Асадулина	45
Дарья Князева	8	Татьяна Воронова.....	45
Елизавета Колесникова.....	10	Дарья Гузеева	46
Анастасия Ланкина	12	Владимир Емельяненко	47
Оксана Лесовик.....	14	Ксения Киселёва	47
Илья Сосов.....	15	Диана Мануковская.....	48
Город мой	16	Константин Кондратьев	49
Ольга Олейник.....	17	Олег Рахманин	51
Александр Слепых	18	Никита Рейзедов	52
Анна Степаненко.....	18	Ольга Сергеева	53
Не припомнить я не могу	20	Елена Смолицкая	54
Ольга Булахтина.....	21	Надежда Третьякова	55
Владислава Бурносова	22	Алексей Ютишев	57
Татьяна Крживокольская	24		
Юрий Лебедев.....	25		
Сергей Матыцин	26		
Аркадий Пресман	28		
Валентин Рахманин	31		
Владимир Тулупов.....	32		
В новом свете.....	34		
Светлана Владимирова	35		
Владимир Воронин	36		
Олег Гулько	36		
Савелий Кострикин	37		
Елена Пархоц.....	37		
Дарья Помигуева	38		
Галина Хожаинова	38		
Анастасия Червинская.....	39		
Миры и дороги.....		44	
Вьетнамская страничка		58	
By Тхе Хой. Великий поэт Нгуен Зу			
и его гениальная поэма «Новые стены			
истерзанной души»		58	
Нгуен Ван Чиен. Современная вьетнамская			
поэзия и поэзия студентов.....		63	
Македонская страничка.....		68	
Весна Алексова-Стойковска.....		68	
Виолетка Карпузовска.....		69	
Костески Григор		72	
Из воспоминаний		74	
Владимир Воронин. Портрет поэта Антилова			
в юности		74	
Живая жизнь.....		76	
Литературная гостиная			
Надежды Третьяковой		76	

